

ПАРУСАМ НУЖЕН ВЕТЕР

Александр
Гиневский

Рассказы

Рисунки
М. Буркова



ЛЕНИНГРАД
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1977

РЕБЯТА!

Перед вами первая книжка писателя Александра Гиневского. Сейчас вы. начнёте её читать.

Вы прочитаете о Вовке.

Очень много у него своих, мальчишечьих дел. Очень много нужно успеть за день, а день-то такой короткий!.. Кое-что Вовка успевает сделать, кое-что не успевает. А иногда попадает в такие приключения, что... но об этих приключениях вы сейчас и прочтёте. Нет смысла их пересказывать.

Вовка ещё маленький. Хорошо, что рядом с ним взрослые. И очень хорошо, что они понимают Вовку и не кричат: «Этого делать нельзя!»

В книжке дети и взрослые живут очень дружно. Это потому, что сам Гиневский любит ребят, дружит с ними, хорошо понимает их и интересно про них пишет.

Н. Внуков



Трамвай идёт в парк

Мы с папой были в гостях у дяди Пети. Уже вечер наступил, а дядя Петя с папой всё разговаривают и разговаривают. Прямо непонятно: откуда они столько слов знают?

Я сидел на диване, слушал, слушал их и заснул.

Просыпаюсь, смотрю: на мне что-то мягкое и тёплое. Укрыли меня.

— Уж больно ты сладко сопел, — говорит папа, — будить тебя не хотелось, но что поделаешь. Пора, мой друг, пора...

Мы попрощались с дядей Петей, выскочили на улицу и побежали к трамвайной остановке.

— Везёт же нам, Вовка! — кричит папа. — Наш трамвай идёт!

Мы только в него вскочили, двери — ш-шик — и закрылись. И трамвай помчался так быстро, что даже стал качаться с боку на бок. Потому что в нём народу никого не было, он совсем пустой был, а трамваю от этого легко бежать.

Трамвай мчится, а мы с папой ходим по нему и ищем сиденье, чтобы под ним была очень тёплая печка. Нашли мы сиденье — сели.

— Ну, устраивайся поудобней и спи, — говорит папа. — Ехать нам далеко, а ты за это время во сне увидишь что-нибудь дельное.

— Да я, папа, знаешь как выпался?! Так выпался, что целый год могу не спать!

— Ну уж, прямо-таки год! Сказал бы — месяц.

Я сидел у окошка. Оно было всё замороженное. Я стал в него дышать, и у меня получилась дырочка. В дырочку было видно ночь и много разноцветных огней. Они переливались. Я смотрю на них и вдруг слышу — вожатый говорит по радио:

— Вагон идёт в парк.

— Ну, Вовка, — папа нагнулся, посмотрел в мою дырочку, — нам скоро выходить и топать домой пешком. Возможно, это последний трамвай и больше не будет.

— Во как повезло! — говорю. — Прогуляемся.

— А ты знаешь, какой сегодня мороз?

— Двадцать градусов? Да?

— Пожалуй, похолоднее. Сегодня мороз настоящий — трескучий. Такого не боишься?

— А мы побежим и согреемся.

— Посмотрим, какой из тебя бегун, — говорит папа.

Мы стали около кабинки вожатого. Дверца была открыта, и мы смотрели в совершенно чистое окно вожатого. Мы видели одиноких путников.

— Не найдётся ли закурить? — спросил папу вожатый. — Совсем без курева остался...

Папа достал сигарету. Потом зажёл спичку.

— Благодарю, — сказал вожатый.

Папа положил на какую-то железку ещё много сигарет.

— А это вам про запас...

Вожатый кивнул головой и даже не посмотрел на папу. Он только спросил:

— Далеко?..

— До Софьи Ковалевской.

— Порядком. Придётся вам пешедралом.

Когда мы выходили из трамвая, папа сказал вожатому:

— Счастливого доработать смену!

— А вам — добаться! — крикнул вожатый из своей кабинки.

Трамвай убежал к себе в парк спать, а мы остались на улице совсем одни. Только лампы горели на столбах, луна горела и звёзды, А снег скрипел и тоже мигал огоньками.

— Ну, давай свою руку, — сказал папа, — и пошли. Будто мы с тобой два отважных северных мореплавателя. Наше судно раздавило льдами, и вот мы выбираемся на материк к какому-нибудь селению. Мы замерзаем, выбились из сил, но пусть звёзды станут свидетелями нашей отваги! Хорошо?

— Ага! И нам будут попадаться белые медведи!

— А мы им будем говорить, чтобы они не путались у нас под ногами и не мешали нам совершать подвиг.

— А если они будут нам всё равно мешать?

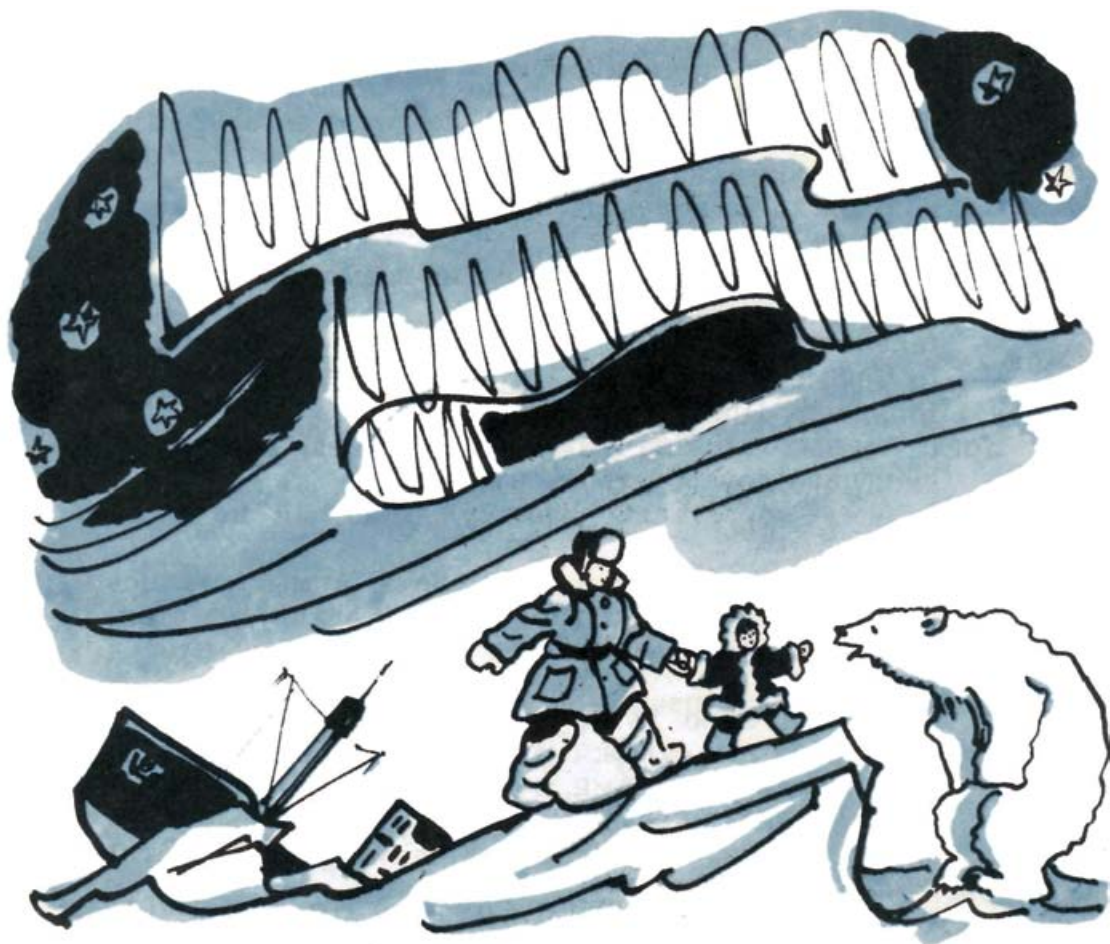
— Ну тогда ты пойдёшь и дашь одному такому толстопятому нахалу кулаком по уху. А я пока покараулю наши лыжи. Согласен?

Я засмеялся.

— Папа, а если он мне по уху даст?

— Тогда... тогда ещё проще. Подойду к медведю я! Для серьёзного разговора. Только мне и говорить-то не придётся. Медведь как увидит, что ты не один, сразу брякнется на колени и заплачет: «Вовка, прости меня за то, что я тебя огрел. Я не знал, что ты с папой... Я больше не буду. Ступайте себе спокойно хоть до самой Африки».

— И мы пойдём в Африку?



— Только прихватим с собой кусок льда. Вдруг через пустыню пойдём, пить захочется, а у нас при себе вода. В твёрдом виде.

— Это ты хорошо придумал. Папа, а в Африке тоже на небе звёзды?

— Звёзды, Вовка, везде, где есть небо. А в Африке, говорят, они очень крупные — с твою голову.

— Правда?!

— Ну, может, чуть поменьше.

— Ого! А они тоже высоко висят?

— Во всяком случае, допрыгнуть до них трудно.

— Папа, а вот у нас есть тень, да? И у столбов есть. А у звёзд бывает?

Папа остановился и тихонько свистнул.

— Да, Вовка, признаюсь: на этот вопрос я ответить не в силах.

— Ну как же, папа?! Ты же взрослый!

— Ты думаешь, что взрослые всё знают?

— Конечно!

— Ты ошибаешься. Иногда мне кажется, что взрослые знают меньше, чем дети...

— Папа... а ты меня любишь?

— Немножко...

— Немножко?! А почему так мало?..

— Если мне тебя любить немножко, то это значит, что мне не ходить на работу, к друзьям и не чистить зубы. Сидеть около тебя и говорить всем: «До чего же у меня хороший мальчишка!»

— А я тебя — немножко... Я тебя очень даже люблю.

Папа остановился, присел и стал смотреть мне в глаза.

— Правда, сынок? ..

Я потрогал папин воротник со снежинками и сказал:

— Ага...

— За что же ты меня любишь?

— Не знаю... потому что ты мой папка... И ещё — весёлый. .. И ещё ты дал водителю сигареты на запас. Вот.

— Знаешь, Вовка, — сказал папа, — а я ведь тебя тоже немножко... Я тебя тоже очень люблю. Это я так — шутил. Мне без тебя было бы знаешь как скучно на свете. Я и сам этого раньше не знал, а ты появился — и я узнал. Оказывается, и ты мне нужен и я тебе.

Мы пошли дальше.

— Это хорошо, что я тебе нужен, — сказал я.

— Конечно. Только ты вот меня любишь, а у меня перед тобой есть грехи...

— Грехи?! А что такое «грехи»?

— Ну, это когда один человек виноват перед другим. Вот я виноват перед тобой, и мне сейчас даже стыдно за себя.

— Виноват?!

— Представь себе. Помнится, однажды отлупил я тебя за то, что ты постриг ножницами соседского кота. Ты подстриг его под барана. Кот выглядел смешно, но мне было совсем не до смеха. Ведь ты мог отрезать ему уши или хвост.

Любое животное не только дышит, слышит и видит, как человек, но оно, так же, как и человек, страдает, когда ему причиняют боль. Пришлось тебе это внушать. Досталось тогда тебе... Помнишь?

— Нет, папа, не помню.

— Неужели забыл?

— Забыл.

— А вот я помню. Я тогда долго не мог найти себе места. Ведь ты так плакал. Ты уж прости меня...

— Конечно, папка. Раз я забыл, и ты забывай. Ладно?

— Ладно. Попробую.

— Зато я помню, как ты мне рассказывал про ток. Я полез за мухой в настольную лампу — и меня током тюкнуло. А ты даже и не ругался.

— Ну, тут я не мог ругаться, потому что тебе и так досталось от электричества.

— Я тогда вместе со стулом в стенку врезался.

— Помню, помню... А вот в прошлом году я был в командировке и совсем забыл поздравить тебя с днём рождения. Представляешь? Совсем заработался.

— Совсем забыл, что у тебя есть я?!

— Что ты?! Этого я не забыл. Я забыл дату — день твоего рождения. Как-то вылетело из головы.

— Ну и что, что забыл? Ведь ты же не нарочно! Ты же был занят! Ведь ты же заработался!

— Всё равно некрасиво получилось...

— Я вырасту и тоже тебя один разик не поздравлю, ладно?

— Ладно. Только разик. Договорились?

— Договорились.

— Ну как, не замёрз ещё?

— Немножко. Вот только эту руку чуть-чуть щиплет как иголочками.

— Давай-ка её сюда.

Папа снял мою варежку. У него рука была горячая, и он две наших руки положил к себе в карман.

— Сейчас домой придём, — сказал папа, — чайку попьём. Попьём?

— Попьём. Только мама, наверно, уже спит.

— Пускай спит. Ей рано вставать. А чай мы сами умеем заваривать. Справимся?

— Справимся. Папа, а ты маму любишь?

— Множко... Чаёк-то покрепче заварим?

— И погорячее. Папа, а за что ты маму любишь?

— Она женщина... И потом она твоя мама. Без неё и тебя не было бы на свете.

— Совсем-совсем?!

— Совсем. И вообще — ни одного человека не было бы на свете, если бы не было мам... Вовка, видишь, в наших окнах свет?

— Горит.

— Это нас мама ждёт.

— Она там ждёт и беспокоится, что мы пропали.

— Конечно.

— А беспокоиться — это больно?

— Пожалуй, больно.

— А зачем же она тогда беспокоится?

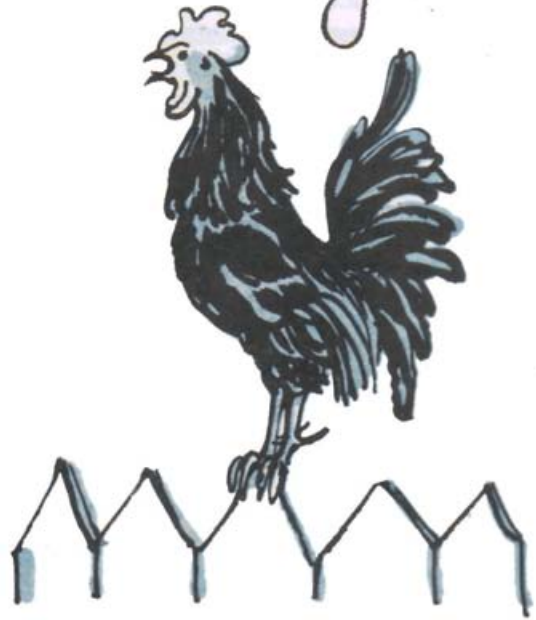
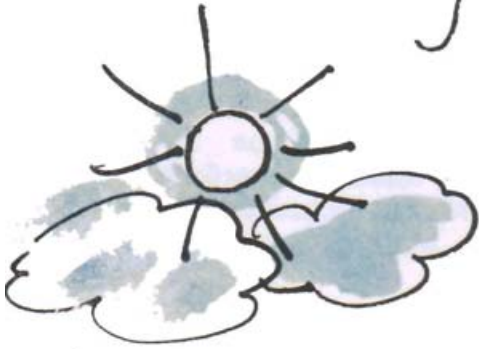
— Потому что она нас, наверно, тоже немножко любит.

Папа схватил меня одной рукой, как большой пакет, и я повис в воздухе.

— Вовка, люди потому и живые, что беспокоятся, плачут, смеются и любят! — сказал папа и помчался со мной по лестнице. А у меня болтались руки и ноги в разные стороны, будто я плыл под водой.



Придётся Петюшке победить



Когда я его увидел,
он сидел на заборе.
Такой большущий,
как телевизор. И
весь-весь чёрный.
Только ноги жёлтые,
клюв жёлтый и глаза.
А на голове гребень.
Красный и большой. И бо-
рода у него тоже была
очень красной. Я прямо
засмотрелся на такого
красавца.

Мне захотелось с ним
подружиться, и я пошёл

к нему. А он вдруг раскрыл клюв да как кукарекнет, да как замашет крыльями, да как полетит! Я и крикнуть не успел, как он запрыгнул на меня. Ключёт клювом, крыльями бьёт, а я бегу. Хорошо, что прибежал к бабушке Оле. Она увидела петуха, схватила полотенце и — хлоп меня по голове! Петух свалился на пол.

— Кыш, нечистая сила! Хулиган проклятый! — кричит бабушка. А петух даже не испугался. Посмотрел сердито на бабушку, постоял-постоял — и пошёл своими важными шагами на улицу.

Теперь я во двор не выхожу. И вообще никуда не выхожу. Сажу у раскрытого окна, смотрю на деревья и кусты. А под кустами муравьи ползают. Трудятся. Куда-то что-то всё носят. И хоть бы один муравей догадался ко мне в гости приползти. Я бы ему дал какую-нибудь палочку для строительства или кусок сахара — покормить муравьят.

Однажды пришла к нам соседка тётя Нюра. Бабушка ей и говорит:

— Ты, Нюра, зарежь своего Петьку. Добром прошу. А не то подам в суд — и будут тебя с твоим петухом-бандитом судить. Что ж такое получается? Внук отдыхать приехал, а из-за твоего Петьки будет всё лето сидеть в доме?

— Да как же это, — заплакала тётя Нюра. — Ведь у меня куры... Им без Петьки никак...

— А ты другого заведи. Посмирнее, — говорит бабушка.

— Другого... Забыли, тётя Оля, как в прошлом году у нас пристройка загорелась? Ночью случилось. А Петька как закричит — мы и выскочили. Хорошо, ещё только пожар занялся — потушить успели. Как же я Петьку зарежу? Разве на такого рука поднимется? ..

— Ну, уж не знаю. А только придётся мне идти в милицию.

«Бабушка пойдёт, — подумал я, — пожалуется — и Петьку в милицию отведут. Судить. И тётю Нюру тоже, потому что она его хозяйка. А ведь этот Петька...»

Тут я подошёл к тёте Нюре и сказал:

— Тётя Нюра, можно, я вашего Петьку поколочу? Чтобы он больше меня не трогал.

— Милый ты мой! Головушка золотая! — закричала тётя Нюра. — Да поколоти ты этого ирода! Сделай милость,

попужай его, попужай... Только как тут быть? Ведь он в руки не даётся. Вот горюшко...

— Я на него, тётя Нюра, с саблей...

— Сидел бы уж... Аника-воин, — сказала бабушка.

Но я сидеть не стал. Я взял длинную палку от швабры и крышку от стирального бака. Из крышки получился хороший щит. У тётя Нюры муж ездит на мотоцикле, и поэтому тётя Нюра сбегала домой. Она принесла мне шлем с очками и такие длинные мотоциклетные рукавицы. Шлем оказался очень большой, не по моему росту, поэтому я надел только очки. А вместо шлема мне бабушка дала маленькую кастрюльку. К ручкам бабушка привязала две верёвочки, чтобы шлем не свалился.

— Ну, Петька, теперь берегись! — сказала тётя Нюра.

Я вышел на крыльцо. Я думал, что Петька уже давно забыл про меня, что, может, и драться с ним уже совсем не надо. Но только я сошёл с крыльца — смотрю, Петька на заборе.

— Сейчас же иди в дом! — кричит бабушка Оля.

— Не бойся, бабушка, — сказал я и потихоньку пошёл к забору.

Петька взмахнул крыльями, кукарекнул и бросился мне на голову. Он думал вцепиться, а у него ничего не вышло. Ведь у меня на голове был шлем! Петька немного побарабанил по моему шлему ногами и упал на землю. Он очень рассердился, закричал — и снова прыгнул на меня. Я подставил щит — и Петька опять упал на землю.

Он оказался очень смелым. Он всё нападал и не собирался сдаваться. Хорошо, что у меня на голове был шлем, а на глазах — мотоциклетные очки! А саблей я всё промахивался, всё по воздуху попадал — потому что вдруг попаду по Петькиной голове?! А ведь Петьке голова ещё пригодится!

И вот мы оба с ним здорово устали. У меня ноги прямо сами стали сгибаться, и мне очень захотелось посидеть. Я бы даже сейчас с удовольствием и полежал, если бы на меня никто не запрыгивал и никто не клевал. Если бы этот Петька хоть чуточку перестал.

И вдруг оказалось, что Петька устал сильнее. Он взлетел на забор, хотел кукарекнуть, не смог и свалился к себе

в огород. Я подошёл к забору и стал смотреть на Петьку. Теперь я его не боялся, потому что я его победил.

Петька лежал в траве. Клюв у него разевался, а глаза закрывались.

Я сказал ему:

— Петька, вставай! Не лежи на сырой земле — простудишься! А я драться больше не буду, ладно? Вот смотри! — Я размахнулся саблей и забросил её в кусты.

Петька всё лежал.

— Ну вставай, Петя, — говорю. — Ведь ты живой — я вижу. Ты просто очень устал. И я тоже. Зато тебя теперь судить не будут. И мы с тобой подружимся.

Петька встал на ноги. Он посмотрел на меня своим жёлтым глазом, да так, что я сразу спрятался за щит. Хорошо, ещё щит не выбросил.

С тех пор Петька на меня не нападает. Только, если я подойду к забору, он начинает хлопать крыльями и готовится к бою. Бабушка говорит, что Петька злопамятный. Глупый всё-таки он. Ведь я подхожу, чтобы послушать, как здорово он кукарекает.



Мы с Борякой Ищем будильник



Спускался я раз по лестнице. Уже дошёл до второго этажа. Смотрю: на площадке, в самом углу, стоит будильник. Настоящий. Со стрелками и с блестящей чашечкой — из которой звон получается.

«Вот здорово! — думаю. — Только его, может, скоро заберут... Подожду — вдруг за ним никто не придёт».

Прошла тётя сверху. Увидела будильник и говорит:
— Дожили! Будильниками стали бросаться. Того и гляди, скоро телевизоры под ногами будут путаться.

И тут мне даже жарко стало. Вдруг он и правда ничей. Только тётя прошла, хлопнула дверь, и кто-то побежал вверх по лестнице. Бежит и свистит. Дядька какой-то. Посмотрел он на меня. Остановился. Потом посмотрел, куда я смотрю.

— Ага! — говорит. — Будильничек с малиновым звонком! Твой?

— Нет, — отвечаю.

Дядька взял в руки будильник. Приставил к уху, послушал, покрутил ручки, постучал ногтем по стеклу, опять послушал.

— Хороший будильник, только, видать, заболел — не тикает и не такает.

— Он не больной — он железный, — говорю я дядьке.

— Железный-то железный, а вот взял и заболел. Послушай.

Я приставил ухо — и правда, совсем не слышно, чтобы в нём тикало.

— Не дышит?

— Не дышит, — говорю.

— Вот возьми и попробуй вылечить.

— А можно? Взять? ..

— Конечно, чудак! Не проветриваться же его сюда выставили, а для таких любознательных, как ты. Бери и курочь его на здоровье! — Дядька хлопнул рукой меня по затылку, подмигнул, присвистнул и побежал дальше. Хороший такой дядька — сразу видно. И по затылку стукнул не больно.

Я схватил будильник и — домой. «Ну,—думаю,—сейчас его вылечу. Может, он только чуть-чуть больной. Может, в нём одно колесико за другое нечаянно зацепилось. Я их расцеплю — и всё будет в порядке. В будильнике ведь что? Одни колесики с зубцами, а остальное — стрелки».

Прибежал домой. Сел за стол. Только хотел взяться за дело — и тут подумал: «Я вот вылечу будильник, а про это никто не узнает. Ни Борька, ни Вадик, ни Толька».

Привязал я будильник шнурком от ботинка к руке, чтобы не потерялся, и побежал к Борьке.

Звоню. Открывает Борька, как всегда, в своей тельняшке. Ему её дедушка сшил. Собственными руками. Потому что дедушка когда-то был моряком. Борька говорит, что тельняшку дедушка сшил суровыми морскими нитками.

— Вон уже сколько часов, — говорю, — а ты всё за мной не заходишь!

— А мы и не договаривались... Пстой, пстой, а это что?!

— Не видишь, что ли? Будильник. Его на руке носить можно...

Борька схватил меня за руку, нагнулся. Рассматривает стрелки и цифры.

— Ха-ха-ха! — засмеялся вдруг он. — Наручный будильник! .. Вовка, так ведь он когда зазвенит, так у тебя рука затрясётся знаешь как?!

— Ну и пусть трясётся. Только он пока ещё не работает.

— Так чего же ты его на руку нацепил?! Хвастаться, да?

— Я его, может, починять буду. Вот...

— А что? .. Правильно, Вовка! Мы его знаешь как здорово починим! Давай вместе, а то ты что-нибудь не так сделаешь.

— Давай, конечно. Я ведь потому к тебе прибежал, чтобы вместе...

Мы отвязали будильник от моей руки и положили его на стол.

— Ты хоть знаешь, из чего он состоит? — спросил Борька.

— Знаю. В нём колесики и стрелки. Колесики с зубцами.

— А пружина?! — закричал Борька.

Про пружину я совсем забыл.

Борька принёс отвёртку и молоток. Молоток здоровый — больше будильника. Я испугался. Тюкнешь таким чуть-чуть — и часы всмятку превратятся.



— А молоток зачем? — спрашиваю.

— Подожди, ещё пригодится, — отвечает Борька.

Сняли мы ручки, которыми заводят. Отвинтили три винтика, стали снимать крышку, а она не снимается. Борька всё лезет:

— Дай я чуть-чуть молотком. ...

— Да ты что?! Ты своим молотком лучше гвоздь в подоконник забей!

— В подоконник?.. А зачем? — удивился Борька.

— Пригодится, — говорю.

— Я вот сейчас тебе дам — узнаешь, как пригодится!

Нам никак было не справиться с крышкой, и я сказал:

— Давай. Только осторожно.

— Не учи учёного.

Борька зажмурил один глаз, чтобы прицелиться, зачем-то два раза размахнулся и тукнул. Он хорошо тукнул — крышка так и отскочила. Только смотрим: что такое? Вместо красивого круглого стекла — одни дребезги.

— Ты зачем стекло разбил?! — закричал я.

— А ты чего орёшь?! Я же тебе крышку отколотил!

— А стекло кто разбил?! Кот Васька?!

— Не знаю. Я вот куда попал — по железу.

— А молоток чей?!

— Чей, чей...

— Да! Чей?!

— Ну, мой...

— А ещё говоришь, что не ты разбил... Оставайся со своим молотком, а я и без тебя часы починю. Мастер — только стёкла разбивать.

— Ну и уходи со своим будильником. Он у тебя всё равно отставать будет.

— Это мы ещё посмотрим, — говорю.

Дома я взял отвёртку из маминой швейной машинки и стал отворачивать маленькие блестящие винтики. Потом вытащил колесики и всё очень быстро разобрал. «Эх!..



Хорошо, что нет этого Борьки с молотком, — подумал я, — а то стоял бы и стонал: «Дай стукну, дай стукну...» А ведь это часы — не что-нибудь! Тут надо всё аккуратно, а он молотком... Никакого соображения нет у человека...»

Я работал, думал вот так вот про Борьку — и вдруг из будильника выскакивает что-то чёрное и — з-з-знь! Прямо у самого моего уха. Я так вздрогнул, что отвёртка тоже куда-то улетела. Я её не нашёл, а нашёл то, что вылетело из будильника. Это была простая железная пружина.

Мама позвала меня обедать. За столом я торопился, чтобы скорее приняться за дело.

В дверь кто-то позвонил. Я побежал открывать. Это был Борька.

— Ну? .. Починил? — спросил он.

— Осталось пустяки, — говорю.

— А мне можно? Я без молотка пришёл...

— Тогда заходи, — говорю, — только не мешай работать.

— Я тебе помогу держать что-нибудь.

— Знаю я, какой ты помогалицык...

— Вы чего там в дверях шепчетесь? — крикнула мама. — Боря, садись с нами обедать.

— Спасибо, я уже обедал.

— А у нас сегодня кисель черничный, — сказала мама, — может, выпьешь стаканчик за компанию с Вовкой?

— Кисель? .. Выпью. Только вы мне два стакана налейте. Я уже третий день стараюсь поправляться и ем много, — сказал Борька.

— Слышишь, Вовка, какой Боря молодец! Этак он тебя через неделю одной левой поборет.

Борька тяжело вздохнул.

— Нет. Через неделю не поборю. Может, через семь дней — и то не знаю.

Не успел я съесть второе, как Борька справился с киселем и пошёл в комнату. Тут я стал есть ещё быстрее, потому что этот Борька хоть и без молотка пришёл, а всё равно что-нибудь да натворит.

Вдруг слышу: звенит. Будильник звенит, а Борька вовсю громко чихает. «Вот так, — подумал я, — без меня зазвенел. И Борька чихает... Наверно, чтобы все слышали, что будильник не сам починился, а это он, Борька, его исправил».

Тут мне кисель показался горьким. И кто их только придумал, эти кисели. И второе тоже... Из-за этих обедов ничего настоящего в жизни не сделаешь. Мне стало грустно, потому что так за киселями можно всю жизнь просидеть.

Я пошёл к Борьке.

— Здорово, — говорю, — быстро ты починил. Что же ты меня не подождал... А говорил, вместе будем...

Борька поднёс к моему уху будильник и стал им трясти. В будильнике зазвенело.

— А чего ты его трясёшь? — спрашиваю.

— Да я вот... сложил в него все винтики и колесики. Тебя жду, чтоб вместе начинать.

Я от этих Борькиных слов так обрадовался, что чуть до потолка не подпрыгнул.

— Знаешь, Борька, ты настоящий друг! — говорю.

— Конечно, — отвечает он. — Я вот отвёртку твою нашёл под диваном. Ну и пылищи у вас там!

— А я-то думал: чего ты расчихался? Выходит, ты это просто от пыли?

— От чего же ещё?!

— Ладно. Отряхивайся и — давай.

— Я потом отряхнусь. Когда сделаем.

— Хоть бы руки сходил вымыл. Ведь часы чиним — не что-нибудь!

Борька посмотрел на меня, надулся и сказал:

— Значит, я — руки иди мой, а ты в это время — отвёртку опять затеряешь, да? ..

— Раз так! — кричу. — Пошли вместе! Раз так, я тоже руки вымою, хоть они у меня и чистые!





В Сосновку по серьёзному делу

М

ы все ходили по двору и не знали, что бы нам такое придумать.

— А у нас на площадке теперь новый сосед живёт, — сказал Борька.

— Ну и что? — развёл руками Толик. Он, когда говорит, всегда себе руками помогает.

— А то, что он на бульдозере работает. Вот. Его Валерий Николаевич зовут.

— Подумаешь, на бульдозере! — сказал Вадик. — Вот если бы на самолёте или на ракете, вот это да!

— Ребята, вон Валерий Николаевич вышел, видите? — зашипел Борька и вдруг крикнул:—Здравствуйте, Валерий Николаевич!

Мы увидели дядьку в кепке и в кожаной куртке. Руки у него были засунуты в карманы. Он шёл к нам.

— Здорово, мужчины! — услышали мы.

— Здравствуйте! — отвечаем. Только Вадик не поздоровался. Он сказал:

— А мы и не мужчины.

— Кто же вы тогда? — Дядька посмотрел на Вадика и нахмурился.

— Мы ещё мальчики.

— А из мальчиков кто вырастает? Девочки?

Мы все засмеялись, а Вадик надулся.

— Из мальчиков вырастают специалисты.

— Кто-кто?!—захохотал дядька.

— Специалисты — вот кто, — повторил Вадик и отвернулся.

— Слушай, специалист, ты хоть на деревья лазать умеешь?

— Нет, не умею, — сказал Вадик грустным голосом.

— А ты? — Валерий Николаевич посмотрел на меня.

— И я не умею... Нам не разрешают...

— Потому что от этого дерева ломаются, — добавил Толик.

— Эх, вы... цветы жизни... растёте, как божья травка в теплице. — Валерий Николаевич вздохнул, покачал головой и добавил: — Пошли в Сосновку.

В Сосновском парке люди ходят по дорожкам и медленно смотрят по сторонам. Если так гулять, то ведь можно заснуть. Прямо стоя. Поэтому Валерий Николаевич разрешил нам бегать и прыгать. Не на газонах, а между деревьями — где уже лес начинается. Валерий Николаевич сказал, что всё можно: и бегать, и прыгать, и кувыркаться, и на деревья лазать. Только надо делать всё с головой.

И вот мы разбежались кто куда. Мы так кричали — будто заблудились. Только мы не заблудились, а это от радости.

Борька закинул высоко на ветку свою белую шапку с пластмассовым козырьком. Мы набрали шишек и стали сбивать её. Я попал, шапка свалилась, а Борька захотел её снова закинуть. Потому что ему здорово понравилось падать шишками. Но тут Валерий Николаевич сказал:

— Пора кончать этот телячий восторг. Хватит, хватит! Мы что, сюда приехали пугать деревья своим криком?! Вон как трясутся.

— Это они от ветра.

— Ничего подобного — страху вы на них нагнали. Ладно, братва... Приехали мы по серьёзному делу: учиться лазать на деревья.

Валерий Николаевич подвёл нас к дереву.

— Вот видите эту сосну с толстыми сучьями у земли?

— Ого!.. Вы нас заставите лезть на самый верх?! — испугался Толик, и мы все задрали головы, потому что сосна была очень высокая.

— Я никого не буду заставлять. Пусть лезет тот, кто хочет стать смелым...

— А дерево не поломается? — сказал я.

— Да ты что?! Это же взрослое дерево! Ему даже приятно, когда на него садятся птицы или залезают такие мальчишки, как ты.

Валерий Николаевич показал нам, как надо браться за сук, и мы полезли. Сначала Борька. Он чуть-чуть вскарабкался и посмотрел на нас. Мы не узнали Борьку: у него глаза стали большие-большие. Наверно, от ужаса или от страха. Мы думали, что он сейчас заревёт, а он:

— Валерий Николаевич, можно мне ещё... выше?

— А тебе не страшно?

— Страшно... ещё как...

— Ну, тогда лезь выше. Иначе никогда не научишься преодолевать свой страх! Только вниз не смотри. Понятно?

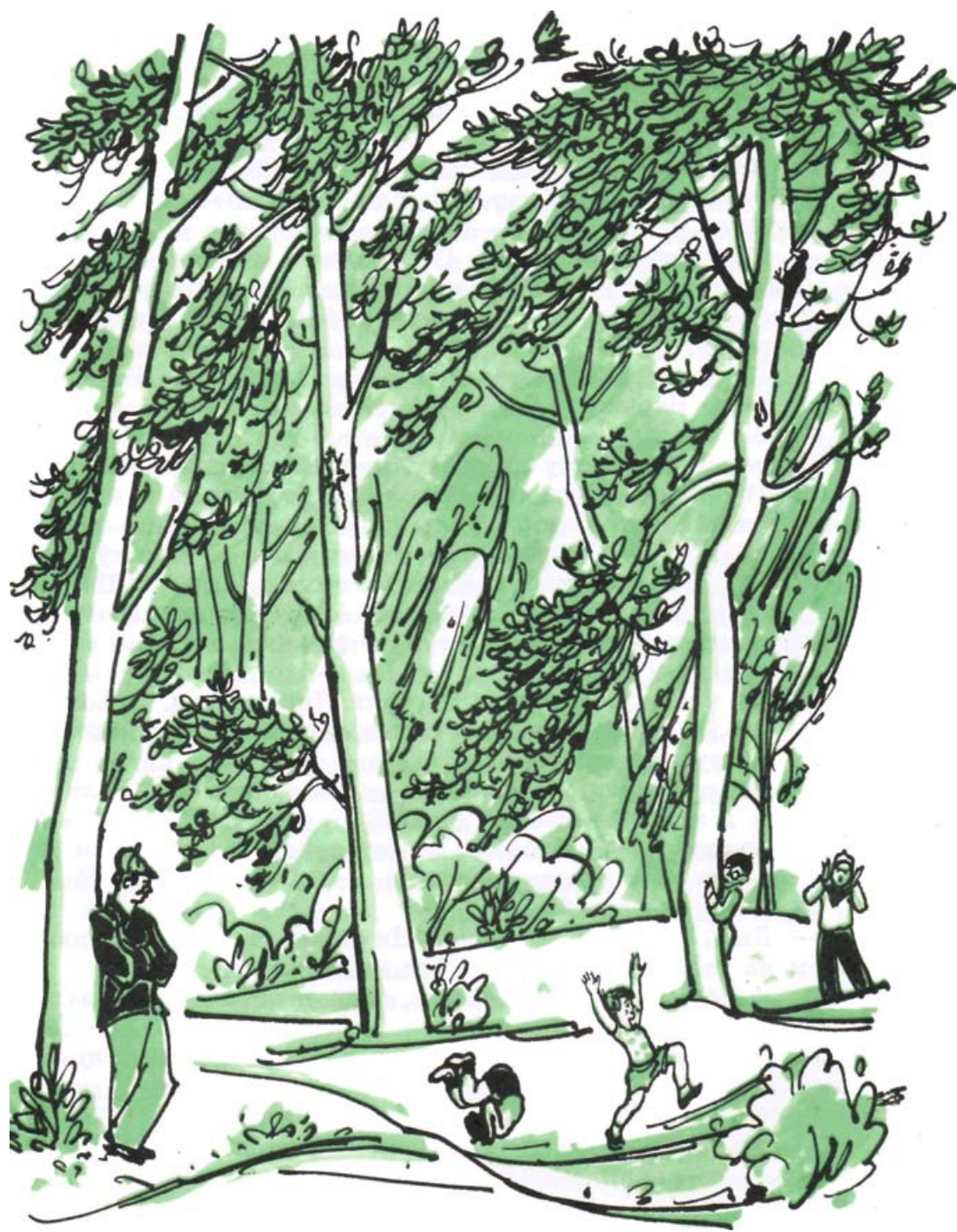
— По-понятно...

Борьку уже было совсем не видно из-за веток. И вдруг он кричит:

— Всё готово — я залез! Снимайте меня!

— Что-о?! — удивился Валерий Николаевич. — Снимать? .. Вы слышали, что он сказал?! Ну как, ребята, будем снимать этого чудака или сам пускай слезет? ..

— Сам залез, пусть сам и слезает, — сказал Вадик.



— Мы даже ещё залезать не умеем, а он уже научился. ..

— А если я шлёпнусь? — кричит Борька.

— Ты что — хочешь шлёпнуться?

— Не-ет! — кричит.

— Ну тогда слезешь, — сказал Валерий Николаевич.

И Борька слез. Посидел-посидел на дереве — и слез. И не шлёпнулся.

— Молодчина, Борька! Поздравляю тебя с победой над своим страхом! — Валерий Николаевич пожал Борьке руку. А он улыбается, весь сияет, будто стал каким-то чемпионом.

— Подумаешь, на дерево залез... — пробубнил Толик и полез после Борьки.

Потом я лазал.

Я посмотрел сверху на ребят, а они маленькие, как пеньки. И Валерий Николаевич тоже. Зато небо было прямо около меня. И ветер здорово слышно. От ветра дерево чуть-чуть шаталось, и я тоже шатался вместе с ним, потому что я был на ветке, как птица. И когда я слез, Валерий Николаевич поздравил меня с победой. И Вадика поздравил. Вадик не стал спускаться на самую нижнюю ветку, а взял да и прыгнул.

— Ну что ж... — сказал Валерий Николаевич. — Я рад тому, что вы оказались мальчишками. Только вот кто залезет на эту гладкую берёзу?

— На неё никто не залезет, — мотнул головой Толик.

— А я залезу! — сказал Вадик.

Он подпрыгнул, обхватил берёзу руками и ногами и... съехал вниз. Сел прямо на землю.

— Ужасно гладкая.

— Да-а, — сказал Валерий Николаевич, — таким способом из вас действительно пока ещё никто не сумеет.

Он вытащил из брюк ремень, сделал петлю и показал, как надо вставлять в неё ноги.

— А вы сами сначала залезьте. А то вы всё нас только учите, — занял Вадик.

Валерий Николаевич посмотрел на Вадика.

— Верно, прав ты... В самую точку попал, — сказал он и сорвал с головы кепку. Бросил её на землю. — А что, пацаны, слабо?

Он поплевал на руки. Подошёл к берёзе. Не к нашей, а к другой, потолще.

— А ремень? — крикнул Борька.

— С ремнём полезете вы.

Валерий Николаевич подпрыгнул, обхватил берёзу руками и полез. Одна нога у него почему-то не сгибалась, всё волочилась. Он лез сначала быстро, а потом медленнее, медленнее — и остановился. Посмотрел вверх — до веток далеко. Ещё лезть и лезть. Мы думали, Валерий Николаевич сейчас немного отдохнёт и быстро доберётся до этих веток, а он вдруг начал сползать вниз. Даже кора скрипела. Валерий Николаевич спустился, стал поправлять задравшуюся штанину и стукнул пальцами по ноге. Получился звук, будто стучат по деревянной коробке.

— Это что? Не нога? .. — удивился Вадик.

— Это неживая нога — протез.

— А как же живая? .. — спросил Толик.

— Живая осталась на войне...

И тут мы узнали, что Валерий Николаевич воевал в танке. Шёл бой, и в этом бою его танк загорелся. Валерий Николаевич потерял сознание, он уже ничего не видел и ничего не слышал, а друг вытащил его из танка и спас. Только ногу не спас, потому что её пришлось отрезать. В госпитале.

Обратно из Сосновки мы поехали на трамвае. И когда мы садились, Толик сказал шёпотом, я слышал:

— Валерий Николаевич, пойдёте с передней площадки. Там все инвалиды садятся.

— Какой же я инвалид, — ответил ему шёпотом Валерий Николаевич, — какой же я инвалид, если работаю на бульдозере?.. И потом, Толя, запомни: жалеть меня не надо. Ты понял? ..

— Понял, Валерий Николаевич.

— Ведь мы мужчины... — подмигнул Толику Валерий Николаевич.

Я всё это слышал, и мне захотелось отлупить этого Тольку. Лезет тут со своими советами... сам инвалид... Зимой поцарапал палец на руке и всю неделю ходил забинтованный. Даже руки не видно было — целой руки... И ещё говорил: «Я из-за этого пальца бегать совсем не могу». Вот врун...

Возле нашего дома мы стали прощаться с Валерием Николаевичем.

— Значит, будем сламщиками? — сказал он.

— А что такое «сламщики»?

— Сламщики — это значит друзья.

Я пришёл домой, а оказывается, меня уже искали. Уже волновались.

Тут я всё рассказал про Валерия Николаевича и про то, что мы с ним сламщики.

Папа слушал очень серьёзно, всё кивал головой, а потом сказал:

— Вовка, а мы с тобой сламщики?

— А как же?! — говорю.

— Ну так живо умываться, есть и спать.

— Папа, а откуда эти сламщики взялись? Ты знаешь?

— Знаю. Это мальчишки из знаменитой республики ШКИД.

— Расскажи, а?

— Спать тебе пора, а ты мне зубы заговариваешь.

— Пап, ну расскажи, вместо сказки.

— Ладно, ладно. Заползай только скорее под одеяло!





Тайна и ещё тайна



олик живет вместе
с мамой. Больше у
них никого нет.

Раз он подошёл
ко мне, потянул за
рукав, шепчет на ухо:

— Вовка, у тебя есть
тайна?

— Тайна? Нету. А у
тебя?

— А у меня есть.

— Что же ты молчал
до сих пор?!

— Так ведь это же
тайна!

— А-а... Правильно. Ты никому про тайну не говори. Ты только мне скажи.

— Тебе скажешь, а ты ещё кому-нибудь.

— Ты что — с ума сошёл?!

— Если так, ладно... Тебе скажу. У меня дома Яшка есть.

— Какой Яшка?

— Ежик.

— Живой, да?!

— А то какой же?! —обиделся Толик.

— Я живого никогда не видел. Пойдём посмотрим!

— Он сейчас спит. У него знаешь какие иголки?

— Знаю!

— А говоришь, не видел.

— Так это я в книжке...

— Сказал тоже — в книжке! А я вот этой собственной рукой его иголки трогаю! — И Толик показал мне свою руку.

— Толька, так он у тебя целый год живёт?!

— Ещё не целый, ещё только со вчера. Мама говорит, что плохо, если в доме нет ничего живого. Вот у нас и появился Яшка.

— И ты молчал?!

— Так ведь, Вовка, это же тайна!

— А-а... Ну да...

Я стал носить Толику для Яшки яблоки и старые газеты, потому что Яшка очень любит шуршать газетами. Он это ночью делает. И хоть совсем темно, выходит, будто он до самого утра всё читает и читает.

А потом как-то так получилось, что я про Яшку и Борьке и Вадику рассказал. Чтобы они незаметно тоже угощение приносили. Ведь ёжику от этого лучше будет! Вместо одного яблока — сразу много.

Идём мы все вместе к Толику в гости, а он бежит скорее домой, чтобы спрятать Яшку в коробку и в шкаф. Чтобы его не видели. Ведь он думал, что Вадик и Борька совсем ничего не знают про ежа.

И вот раз сидим мы у Толика. Вдруг он и говорит Борьке:

— Борька, ты кому яблоко принёс? Мне, да?

— Какое яблоко? — отвечает Борька.

— А какое ты под диван положил...
— А-а... тебе, тебе...
— А зачем ты его под диван положил?..
— А я... а я его потом достану...
— Понятно, — говорит Толик и подсказывает к Вадику. Вытаскивает у него из кармана газету. Развернул её, а в ней ещё две.

— А ты кому газеты принёс? — спрашивает.
— Привязался тут: кому, кому... Да Яшке твоему! Вот кому! — крикнул Вадик.
— Какому Яшке?! — громче Вадика кричит Толька.
— Твоему! Который у тебя в шкафу сидит! .. Он там в темноте, и ему, может, кислорода не хватает! ..

Толик посмотрел на меня и тихо так говорит:
— Ага... Значит, это ты им рассказал про Яшку? Да? ..
А я прямо не знал, куда мне деться. Хоть бы пол подо мной треснул, хоть бы я с этим полом провалился на первый этаж.

— Ты не сердись, Толик, — говорю, — я подумал, что ведь они наши друзья... Что ведь они никому не расскажут, а только будут приносить для Яшки лакомства...

И тут Толька почему-то перестал сердиться. Он вдруг радостно закричал:

— Ур-ра! Тайна раскрылась!
— Какая тайна?
— Какая? Да ведь мы с мамой всё понять не можем: отчего это у нас под диваном целое овощехранилище. А за шкафом какие-то банки с молоком. Под шкафом — пачка какой-то дурацкой сухой вермишели! Вермишель, по-вашему, для Яшки лакомство?! Дураки! Газет натаскали — на сто лет! А ведь Яшке надо всего одну газету на целую неделю! Ведь вот он какой!

Толька бросился к шкафу и достал коробку с ёжиком.

Борька толкнул меня локтем в бок.

— Дайте мне рассмотреть его. Это я ему вермишель принёс. ...





Около нашего дома стали строить дом. Прямо на пустом месте. Нам очень хотелось увидеть, как он строится, и мы стали лазать через забор, потому что забор раньше дома построили и из-за него ничего не видно.

И только мы начнём смотреть на машины, как они едут, везут всякие материалы, тут бежит к нам сторож и кричит:

— Опять залезли, окаянные! Удержу на вас нет! Вот поймаю одного, отберу шапку и пускай за ней с мамкой приходит!

Мы, конечно, от этого крика кто куда. Перелезем через забор и ждём, когда сторож уйдёт в будку.

Однажды стоим вот так вот около забора — и вдруг слышим: кто-то пилит забор с той стороны.

— Вот здорово! Забор ломают! — обрадовался Борька.

Смотрим: в заборе получилась дырка. И прямо к нам в эту дырку высунулся небритый дядька в шапке.

— Ну что, шурупы, попались?!

Мы так растерялись, что даже забыли убежать.

— Дядя, а зачем вы дырку сделали? — спрашивает Толик, а сам пятится.

— Во-первых, я не дядя, а бригадир каменщиков Василий Семёнович. Понятно?

— Понятно.

— Во-вторых, насчёт дырки. Она затем, чтоб с вами бороться... — Дядька улыбнулся. Если бы он не улыбнулся, мы бы убежали. Потому что этот Василий Семёнович как два моих папы, а может, и здоровее.

— Вы что? Будете нас избивать? — спросил Вадик.

— Ну, шуруп, голова у тебя, видать, кинофильмами набита, — сказал Василий Семёнович и даже сплюнул от досады. — Дырка эта для того, чтобы ты не штаны рвал на заборе, а смотрел бы в неё, если тебе охота! Посуди сам: сторожу за вами не угнаться — она человек пожилой. Конечно, я со своей бригадой мог бы побегать за вами, но тогда, спрашивается, кто кирпич будет класть? Кто дом-то построит? Вы, что ли? .. Вам тоже некогда: от моей бригады улепётывать надо. Не так ли? Та-ак. Вот и будем бегать друг за дружкой, а дом? Пусть дядя строит?!

Василий Семёнович стал пилить другую дырку. По-выше.

— А ещё дырка зачем? — спросил я.

— Эта? Эта для батьки твоего. Пойдёт он, скажем, мимо. Подумает: «А чего они там за забором химичат?» Батька твой тоже небось любознательный. Глянет он в дырку. «А-а, — скажет, — дом всего-навсего строят». И пойдёт себе дальше со спокойной душой. Понятно, шурупы?



— Понятно, Василий Семёнович!—крикнули мы хором. А Борька сказал:

— Спасибо вам за дырку. Мы теперь в неё смотреть будем.

— Так-то лучше... Глаза только не проглядите, — смеётся Василий Семёнович.

Дом строили быстро. Даже ночью. Мы спали, а его строили. И оглянуться не успели, как пятый этаж пошёл.

Вот раз торчим у своей дырки. Смотрим. Подходит к нам Василий Семёнович.

— Привет, шурупы!

— Здравствуйте, Василий Семёнович! — кричим.

— Ну как, видно?

— Видно!

— Да разве это видно? Айда за мной! Только, чур, через ворота.

И когда мы проходили мимо сторожа, она сказала улыбаясь:

— Василь Семёныч, чай, на расправу ведёшь своих шурупов?

— Сейчас, тётя Маша, им земля с овчинку покажется! — ответил Василий Семёнович.

Он привёл нас на самый верх дома.

— Вот отсюда, шурупы, кое-что видно, — сказал он.

А мы прямо рты пораскрывали. Потому что было видно не кое-что, а всё — будто с самого неба. И даже солнце, мохнатое от мороза, было совсем рядом.

И когда мы насмотрелись вдоволь, Василий Семёнович слегка толкнул Борьку локтем:

— А ну, шуруп, бери кирпич с поддона и клади его вот сюда!

Борька взял кирпич и положил, а Василий Семёнович весело пристукнул Борькин кирпич блестящей железной лопаткой. Он так ловко пристукнул, что получилось, будто кирпич всю жизнь тут и лежал.

И мы все положили по кирпичу. А мне Василий Семёнович сказал:

— Держи мастерок и пристукни сам.

Я стукнул, но промахнулся.

— Мазила! — засмеялись ребята. А Василий Семёнович снял рукавицу, взял мою руку в свою огромную ручищу, и мы оба здорово пристукнули кирпич. Теперь он будет лежать в доме вместе с другими.

А дом скоро совсем построят. Потому что Василия Семёновича уже почти и не видно — так высоко он работает. И когда я иду мимо, я всегда громко здороваюсь с ним, а Василий Семёнович кричит мне с вышины:

— Привет, шуруп! — и машет большой рукавицей.

Вот какой Василий Семёнович.

Папа говорит, что на таких людях земля держится. А Василий Семёнович высоко-высоко в небе работает себе своим мастерком и, может, совсем не знает, что он такой сильный.





Если
быстро
спать



У тобы рано про-
снуться, надо бы-
стро спать. Когда я
быстро сплю, я
встаю очень-очень
рано. Ещё везде совсем
темно, а я уже хожу. Мне
это так нравится!

Я иду в коридор и сна-
чала хожу, как бабушка.
Тапочки шаркают: шарк-
шарк. А потом я хожу,
как мама. Это совсем не
интересно, потому что ма-
ма не шаркает и не то-

пает. Зато до чего же я люблю ходить, как папа! Он хорошо топает — сразу слышно, что это папа, а не кто-нибудь. Мама говорит, что папа топает, как слон. А это совсем неправда! Потому что слоны когда топают, у них даже веточка не сломается под ногами. Они ходят медленно и осторожно. Ведь им надо укрываться от опасности, раз они большие.

А я топаю по коридору, будто я пришёл с работы, будто я так устал, что ноги отваливаются.

Тут папа, если он в хорошем настроении, кричит:

— Эй, воры! Погодите, мы ещё не выпались!

А если папа в плохом настроении, то он говорит:

— Перестань, Вовка! Провалишься к соседям этажом ниже и разбудишь людей.

К нам уже приходила соседка. И она уже беседовала со мной про поведение. Я ей всё объяснил, и она всё поняла. Такая хорошая соседка! Клавдия Петровна. Она мне сказала:

— Что ж с тобой делать, разбойник. Топай уж. Только потише. А то у нас лампа раскачивается.

Теперь я стал потише. Потому что лампа раскачается, разобьётся — и наши соседи останутся без света.

А когда я похожу, как бабушка, мама и папа, я иду в ванную. Там всегда жарко, и я люблю посидеть на краешке ванны, как какое-нибудь животное из жаркой страны. Мне даже хочется забраться на высокую пальму и оттуда посмотреть. Но у нас в ванной нет пальм. И вообще никаких деревьев. Поэтому я просто пускаю воду. Сначала холодную, а потом горячую. А потом тёплую. Вода течёт и что-то говорит. И я тоже разговариваю с водой про трубы и про краны.

Однажды мне захотелось узнать, что делает вода в толстой трубе, если все ручки закрыты. Если она не течёт в раковину. Я засунул палец в кран, и тогда мне пришлось ждать, пока проснётся мама, пока она придёт. Потому что палец у меня не хотел вытаскиваться. Мама позвала папу, и они вдвоём вытащили. Пришла и бабушка, но уже было не надо. Про воду я всё-таки узнал, только потом. Оказывается, она в трубе стоит.

А тогда папа сказал, что придётся ликвидировать все краны в квартире. И я обрадовался: ведь не надо будет

умываться! Я всю жизнь только об этом и мечтаю. Жаль, что краны не ликвидировали.

И вот, когда я поразговариваю с водой и она мне всё расскажет, я иду на кухню. Посмотреть в окно на улицу и на градусы в термометре. И если я увижу нашего почтальона тётю Зину, я машу ей рукой. Хоть она даже на меня и не посмотрит. Хоть даже письма мне никакого не несёт, а только другим.

А один раз я увидел птицу синицу. Она тоже уже не спала. Она стояла на подоконнике за окном. На цыпочках стояла. И голову вытягивала. Будто хотела заглянуть в меня. И мы долго-долго смотрели друг в друга, потому что мы разные. И я вертел головой туда-сюда, как синица. Мне это очень понравилось.

Иной раз я посмотрю в окно, а там ничего не видно: только ночь и темно. Тогда я сразу иду к бабушке. Сяду на стул, возьму спицы и начинаю вязать. Бабушка просыпается и сразу говорит:

— Ну что, шатун-полуношник, опять дурью маешься?..

Бабушка сразу просыпается, потому что я один раз вязал ей папин свитер. Я хотел ей помочь, пока она спит, а у меня из свитера получились одни шерстяные нитки. Весь свитер тогда развязался, и мне за это здорово влетело. Только не от бабушки. Бабушка теперь меня сразу прогоняет. Она меня прогонит, я немножко похожу ещё, а потом лягу в постель. Укроюсь одеялом, чуточку посмотрю с открытыми глазами на потолок и засну.





у
дедушки
Мамвее
и
бабушки
Дары



В

он то село, над ко-
им вьются тучи,
оно моё родимое и
есть... — сказал
очень складно дядя
Ренат и показал рукой на
деревянные дома. Как
раз туда мы и шли. Это
деревня Пяльцы. В ней
родился дядя Ренат и
жил там таким малень-
ким, как я. Потом он ко-
нечно вырос и стал таким
большим, как мой папа.
Даже больше.

Дядя Ренат — геолог. Он ездит в тайгу, и там у него отрастает борода. У меня есть фотография. На ней дядя Ренат с бородой и в здоровенных сапогах. Сапоги сделаны из резины, и в каждом таком сапоге можно жить, как в маленьком домике.

Однажды дядя Ренат привёз мне с Охотского моря морскую звезду. Она была засушенная. Вечером я выключил свет и думал, что звезда будет светиться, как на небе, но она не засветилась. Наверно, потому, что она засушенная, или потому, что морская, или потому, что не на небе.

— Вот, Вовка, — сказал папа, — сейчас познакомишься с дедушкой и бабушкой дяди Рената.

— А они меня узнают?

— Узнают, узнают, — улыбнулся дядя Ренат, — я им про тебя рассказывал, когда ты ещё в пелёнках был.

Мы шли по деревне. Бабушки и дедушки выглядели в окна. Они смотрели на нас. Дядя Ренат им всем кивал головой. Мы с папой тоже здоровались с ними.

— Дарья! Дарья! Глянь, кто приехал! — засуетился дедушка около одного дома.

В окошко выглянула бабушка и куда-то убежала.

Дядя Ренат с рюкзаком на спине подбежал к дедушке, обнял его — и дедушка весь утонул в дяде Ренате, потому что он был маленький и худенький. Только серую кепку было видно.

Они поцеловались три раза.

— Борода-то зачем? Ишь, разбойник какой! Чай ведь, ещё не старый, — сказал дедушка.

— Ничего с ней не поделаешь, дед, растёт и растёт. — Дядя Ренат потрогал свою бороду.

Потом папа поцеловался с дедушкой, потом я.

— Я — дед Матвей, а ты? — спросил дедушка меня и надвинул свою кепку прямо на глаза. Они были серые, колючие. Я даже подумал, что он меня ругать будет за что-нибудь.

— Я... я... Вовка, — сказал я.

— Не тёть Матрёны внучонок?

— Я... я... папин сын.

— Дед, да это же сын Алексея Петровича! Я же тебе рассказывал, — засмеялся дядя Ренат. — И в письме писал, что приедем...



— А-а!.. Ну-ну... Писал, писал, — успокоился дедушка.

Бабушка Дарья почему-то плакала. Она вытирала глаза кончиком платка, а слёзы у неё всё равно текли. Она гладила меня морщинистой рукой по голове и приговаривала:

— Справный мальчик, справный...

— Бабушка Дарья, а почему вы плачете? — спросил я.

— Бабы слёзы и от радости льются, — сказала она и улыбнулась.

— Ходите в избу, — позвал дедушка, — нешто тут до зари стоять?

Мы поднялись на крылечко и вошли в комнату. Она была очень большая и тёмная. Сначала я ничего не видел, а потом разглядел брёвна на потолке, много веников, какую-то сухую траву, тоже пучками. А на полу стояли деревянные бочки, грабли и ещё какие-то палки.

— Тут, в сенях, и разуйтесь, — сказал дедушка Матвей, и я понял, что это мы пришли в сени.

Вошли в комнату. И тут я так удивился, что прямо не знал, что сказать, потому что всё было как в сказке: в углу стояла большая-большая печка, на которой Емеля ездил к царю. Только на этой печке, наверно, никто не ездил. Она была новенькая и покрашена синей краской.

Возле окошек стоял здоровенный стол. Он был покрыт белой скатертью со всякими узорами. За таким столом Иван-царевич пировал.

Я на всё это засмотрелся так, что не заметил, как дедушка Матвей взял меня за руку.

— Пошли в баню, — сказал он.

В бане тоже было всё как в сказке: низенькая, с маленьким окошком и печкой. В печке помещался большой котёл. Вода в нём была горячая, дымилась. А от тёмных камней пыхало жаром. Ещё были полки, на которых парятся, и большие тазы с холодной водой.

Мне тут тоже очень понравилось. И когда дедушка Матвей спросил:

— Париться любишь?

Я взял и соврал:

— Люблю, — потому что я никогда не парился. Потому что у нас в Ленинграде ванная, а в ней разве попаришься?

— Ну, поберегись тогда, — сказал дедушка.

Я отошёл от печки, дедушка взял ковшик с поломанной ручкой, зачерпнул из котла воду и плеснул прямо на камни. Они зашипели, и сразу стало так жарко, что хоть убегай. Если бы я не сказал что люблю париться, я бы, наверно, убежал.

— Присядь, Вова, присядь. Сразу полегчает, — сказал дедушка. Я присел к самому полу, чтобы дышать, и тут с меня потёк пот. Когда я отдышался, дедушка сказал:

— Залезай ко мне на полоч, будем старые кости греть. Мы сидели и грели кости.

— Теперь давай веничком берёзовым, — сказал дедушка и стал меня парить. Он хлопал здорово, а мне вовсе не было больно. Только очень жарко.

От веника хорошо пахло. Один листок прилип к моему плечу, и он тоже пах, как веник.

А потом я парил дедушку изо всех сил, и он кряхтел, как больной. Только от удовольствия.

— Ах, ещё... Ах, ещё... — говорил он. И когда у меня кончились силы, я сказал, что устал.

— Ну, мойся, мойся, — говорит дедушка. — Чай, совсем заработался.

Как мы оделись — не знаю, но когда нам с дедушкой надо было выйти из бани, то мы совсем не могли. Мы совсем устали.

— Знатно напарились? — спрашивал меня дедушка.

— Зна-атно, — отвечал я.

После нас парились дядя Ренат и папа. Они так поддавали пару, что на улице было слышно, как шипят камни. Я даже думал, что папа с дядей Ренатом решили совсем запариться.

— Сушие бесы! — строго сказал дедушка Матвей, а по глазам его было видно, что ему очень нравятся и дядя Ренат, и мой папа, и как они здорово парятся.

Дядя Ренат и папа тоже долго не могли выйти из бани — так устали. А потом они всё же вышли. Лица у них были красные и довольные.

И вот мы сидим за столом, за которым Иван-царевич пировал. И у нас тоже пир. На столе чего только нет, а бабушка Дарья всё вытаскивает и вытаскивает ухватами что-то горячее прямо из печи. Какие-то тётки ей помогают, и они

весело покрикивают друг на дружку, потому что они, наверно, любят угощать гостей.

Я сижу рядом с дедушкой Матвеем. Вокруг собралось много народу. Все уже меня знают, а я почти никого. Но я подумал — это не беда, потом я всё равно с ними познакомлюсь. А пока они мне только руками машут:

— Давай, Вова, не стесняйся! Мы тут все свои — пальцевские...

А я хоть и не пальцевский, тоже, оказывается, свой. Я и не стесняюсь. Потому что мне дедушка Матвей дал солёный огурец, а он оказался такой твёрдый и вкусный, что я его схрумкал в два счёта.

Потом мне дали суп и деревянную ложку. Суп был очень горячий, но я его ел и не обжёгся. Потому что ложка-то деревянная! Такой ложкой как раз такой суп и есть. Это мне дедушка Матвей объяснил.

Я и суп-то не успел съесть, как бабушка Дарья подошла и сказала:

— Дед, ты чего за Вовой не доглядаешь? Насыпь ему картохи да яешню положь.

Тут дедушка положил мне белых горячих картошин. И яичницу с жареной колбасой. Я ел, отдувался, а дедушка всё спрашивал:

— Вов, может, ещё чего? .. Может, капустки? ..

За столом разговаривали про дядю Рената, про его жизнь и про его работу. Моего папу тоже спрашивали, а он отвечал про себя, про меня и про маму. А дядя Ренат и папа расспрашивали про деревню и про то, как здесь живётся людям.

Оказывается, здесь больше нет «дэтэшек», а одни «Беларуси». «Дэтэшки» — это гусеничные трактора. «Беларуси» — тоже трактора, только колёсные. На них хорошо и пахать, и сеять, и возить грузы. Лучше, чем на «дэтэшках».

Становилось всё шумнее и шумнее.

— Вовк, ты там не спишь?! — со смехом спросил меня очень загорелый дядя.

Он приехал на самосвале. У самых окон остановился. На полном ходу. Выскочил из машины и бросился в дом. Дядя Ренат как увидел в окне самосвал, развёл руки и пошёл к дверям. Двери открылись, и тут они встретились. И так обнялись, что только кости затрещали.

— Дружки они были. Мальцами, как ты, — сказал мне дедушка Матвей. — Ох, озоровали... Бывало, я их крапивой... Обоих...

— За что, дедушка?

— А за озорство. Ему, Павлухе, и сейчас полагается всыпать.

— За что?

— Побежал, а машину не выключил. Вон она тарахтит впустую. — Дедушка Матвей нахмурился. — Павел, — сказал он строго, — ты чего машину не выключил? Тарахтит зазря.

Дядя Павел махнул рукой.

— Да брось, дед! Горючка-то казённая!

— Я тебе покажу «казённая»! — Дедушка Матвей погрозил пальцем. — А ну, марш сейчас же!

Дядя Павел схватился за голову, будто очень испугался.

— Бегу, дед, бегу! Только не сердчай шибко!

— То-то у меня... — сказал дедушка.

Дядя Павел вернулся, посидел немного за столом, потом встал и пошёл в угол. Я только сейчас заметил, что там стоял телевизор. Дядя Павел включил его. Показывали футбол.

— Ты что, Павел! — закричали все. — Ренат приехал, а ты!..

— Как тебе не стыдно!

— Выключи сейчас же!

— Тихо, товарищи! — сказал дядя Павел. — Подарочек гостям — «Зенит» играет. Проигрывает... Так как, Ренат, — дядя Павел хлопнул по плечу дядю Рената, — болеешь за свой «Зенит»?

— Я, Павлуша, к футболу равнодушен, — ответил дядя Ренат.

— Понятно, понятно... Был когда-то наш «Зенит» очень даже знаменит, а теперь игра в «Зените» не игра, а извините... — весело пропел дядя Павел.

Все засмеялись.

— Вот шалопай, — сказал дедушка.

Я и не заметил, как уснул. Вдруг слышу папин голос:

— Да зачем его на кровать?! На печь его! На печь забросим! Ведь он никогда не спал на русской печи!

Какой-то здоровенный дядя взял меня на руки, и я очутился где-то высоко, под самым потолком.

Я лежал на чём-то мягком и мохнатом. У самого моего носа висела целая связка лука. Она шуршала, когда её тронешь рукой, и пахла чем-то хорошим и непонятным.

Здесь было очень тепло, и я развалился, как барин.

Спать мне уже не хотелось, потому что внизу подо мной играли на баяне и плясали.

Вдруг кто-то крикнул:

— Цыганочка!

Я высунулся и посмотрел вниз.

Запела медленная музыка. И тут мой папа вышел на середину комнаты. Все смотрели на него. Я тоже смотрел. Папа был очень серьёзный. Он стоял неподвижно и смотрел на дядю, который играл.

Папа будто дождался чего-то, щёлкнул подмёткой по полу, потом так же щёлкнул другой ногой: чок-чок-чок. И музыка и щелчки становились всё быстрее. Всё быстрее двигались папины ноги. Папа не отставал от музыки, а даже успевал как-то провести ногою по полу, и получалось очень здорово. И когда замелькали папины ноги, папа стал хлопать себя по коленкам и ногам так, будто он пляшет не один, а и ещё кто-то.

Я смотрел и думал: «Вот я живу с папой всю жизнь и даже не знаю, что он так умеет...»

Все сели за стол. Опять стало очень шумно, но тут кто-то запел. Все сразу стихли и прислушались. Запел дядя Павел. Он сидел рядом с моим папой.

Песня была грустной. Я её никогда раньше не слышал. Такую хорошую песню про степь... как она вся кругом... Как в этой степи умирал ямщик, потому что он замёрз... Как он отдавал товарищу приказ поклониться маме с папой... И про жену тоже... про кольцо... Чтобы товарищ отдал кольцо, и пусть уж она не печалится...

Песню запели все. Её и на улице, наверно, было слышно. Мне тоже очень хотелось запеть, но я не знал всех слов наизусть. А песня была такая хорошая.

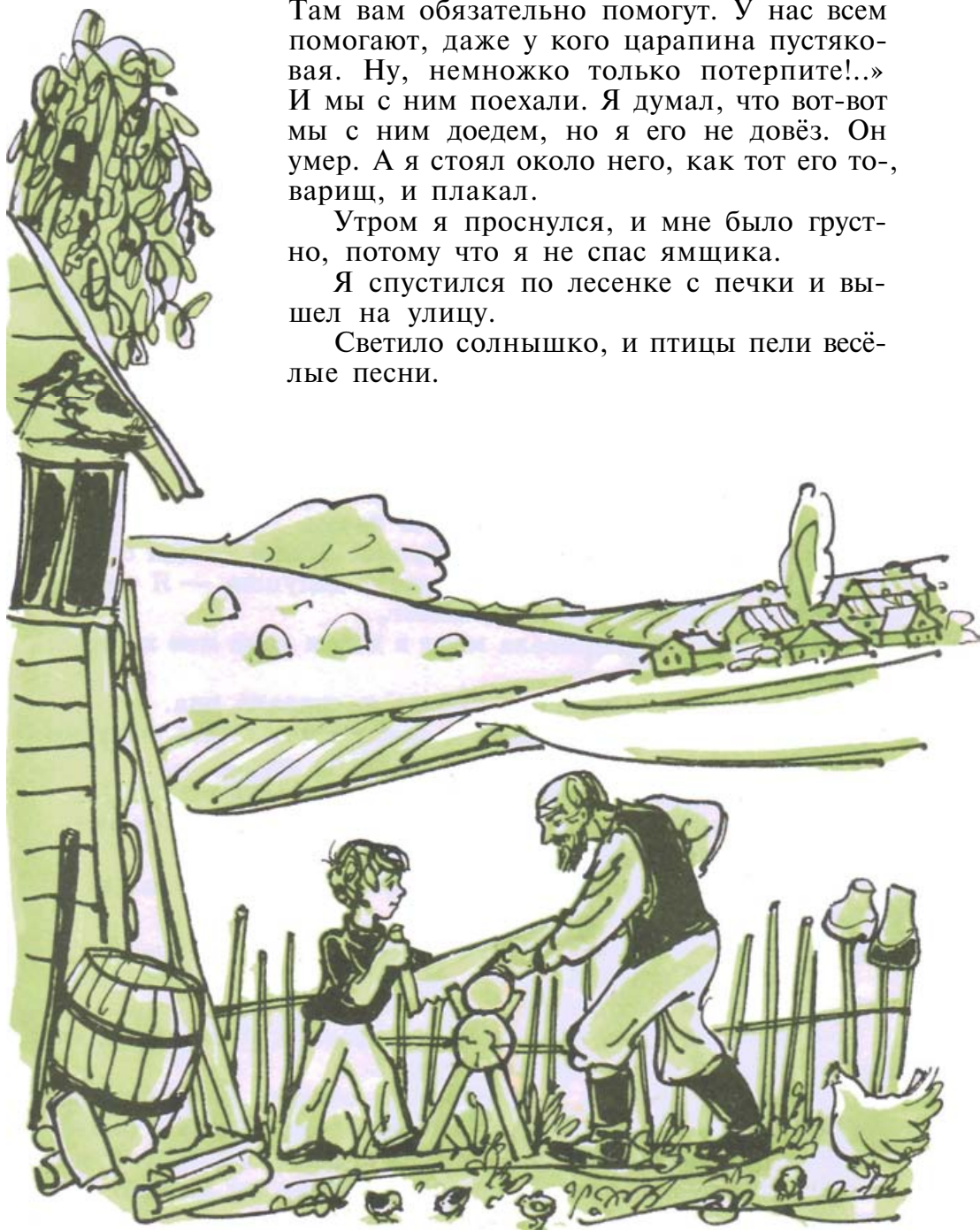
И когда я заснул, я увидел во сне ямщика. Я к нему подъехал на лошади, а он лежал и умирал. Он мне стал отдавать приказ, а я ему сказал: «Вы потерпите, товарищ ямщик. Я вас довезу до поликлиники, и там вас вылечат.

Там вам обязательно помогут. У нас всем помогают, даже у кого царапина пустяковая. Ну, немножко только потерпите!..» И мы с ним поехали. Я думал, что вот-вот мы с ним доедем, но я его не довёз. Он умер. А я стоял около него, как тот его то-варищ, и плакал.

Утром я проснулся, и мне было грустно, потому что я не спас ямщика.

Я спустился по лесенке с печки и вышел на улицу.

Светило солнышко, и птицы пели весёлые песни.



Прямо у меня под ногами бегали цыплята. Пушистые и жёлтые, они катались, как шарики. Они меня совсем не боялись. Только курица громко кудахтала, будто я сейчас за ней погонюсь.

У сарая дедушка Матвей пилил дрова. Я подошёл к нему и увидел, что пила у него была с двумя ручками, а он пилил один. «Шорк-шорк» — делала пила, и жёлтые опилки от дерева сыпались на траву.

— Здравствуйте, дедушка Матвей! — сказал я.

— День добрый! — ответил дедушка. Он даже не посмотрел на меня. Пилит себе и пилит.

Я взялся за ручку пилы.

— Можно, дедушка?

— Давай, только ноги как у меня, вишь? Так и ты вставай. Да рукой в бревно упрись.

Мы стали пилить вдвоём.

Я пилил и смотрел, как пила медленно влезает в бревно, как сыплется опилки. Они пахли лесом.

— Вова, — позвала меня бабушка Дарья, — иди сюды!

— Иди, Вов, зовут тебя, — сказал дедушка. — Я теперь и один управлюсь. Спасибо, помог.

Бабушка Дарья привела меня в дом и дала мне жёлтый кувшинчик.

— Пей, Вова, молоко тёплое, — сказала она.

Я посмотрел на коричневую пенку и стал пить. Молоко было вкусное. Я такого ещё никогда не пил.

— Спасибо, бабушка Дарья, вкусно очень!

— Ты губы-то оближи, а то прямо усатый, как таракан, — улыбнулась бабушка.

— Это вам корова такое молоко даёт? — спросил я.

— Ко-ро-ва... А то кто же?

— А как её звать?

— Милкой кличут.

— А она у вас дома?

— Сегодня дома — не в стаде. Пастух у нас заболел.

— А можно мне её посмотреть?

— Иди в хлев, я тебе дверь-то отопру. Посмотришь.

Бабушка открыла хлев. Там было темно, как в сенях. Я не сразу увидел Милку. Она стояла и жевала сено. Я подошёл к Милке поближе и положил руку на Милкин бочок. Он был тёплый и мягкий от шерсти. Милка махнула

хвостом и посмотрела на меня. Глаза у неё были тёмные и большие. И ещё очень умные. Она будто хотела сказать: «Ты уж мне не мешай. Ладно?» Милка вздохнула, отвернулась от меня и опять стала жевать своё сено, потому что ей надо было делать для людей молоко.

После завтрака за нами заехал дядя Павел на своём самосвале. Я сел в кабину, а папа с дядей Ренатом забрались в кузов. Мы поехали на одно лесное озеро к бобровым хаткам. Это такие домики, в которых живут бобры. Они их сами строят. Дядя Ренат обещал нам показать даже бобровые плотины.

— Я вас только до развилки довезу, а там пешком доберётесь, — сказал мне дядя Павел.

Машина поднялась на гору и остановилась.

— Смотри, Вовка, вон наша деревня. Пяльцы. Вся как на ладошке! Здорово?!

— Здорово! А вон дом дедушки Матвея!

— Узнал?! Ну-ка, Вовка, у тебя глаз зорче. Глянь-ка, не грозит мне там дед Матвей кулаком? ..

Я засмеялся.

— Его отсюда не видно. Он, наверно, дома. Наверно, в окно грозит...

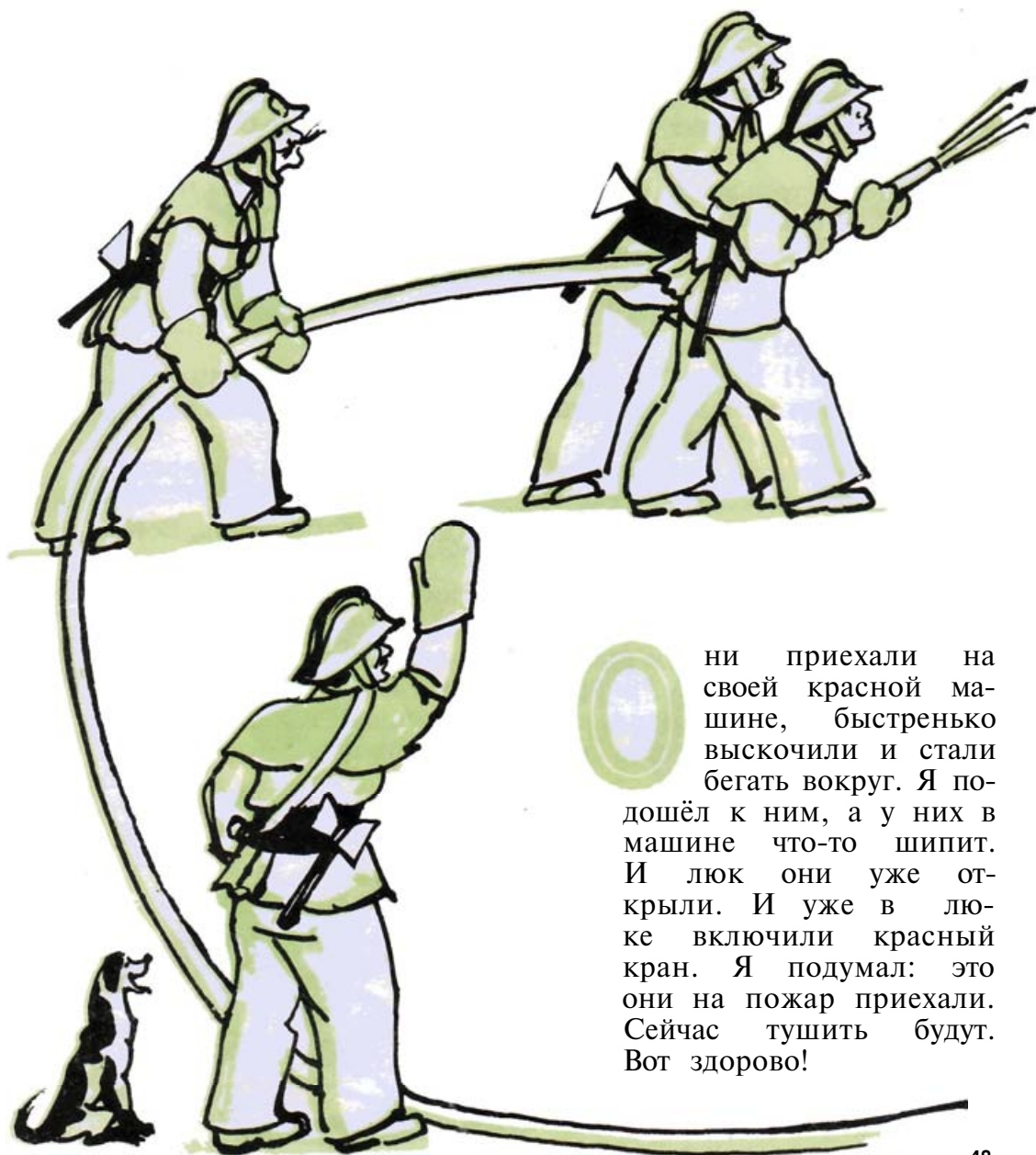
— С него станет! — сказал дядя Павел. — Держись, Вовка! Даём дёру!..

..И вот мы с папой уже два дня живём дома — в Ленинграде — а я помню всё-всё-всё. И про дедушку Матвея, и про бабушку Дарью, и про дядю Павла, и про баню, и про ямщика, и про Милку, и про топлёное молоко.

Папа обещал мне купить пластинку с песней про ямщика. Я буду её слушать и никогда ничего не забуду.



„Юный Пожарник“



они приехали на своей красной машине, быстренько выскочили и стали бегать вокруг. Я подошёл к ним, а у них в машине что-то шипит. И люк они уже открыли. И уже в люке включили красный кран. Я подумал: это они на пожар приехали. Сейчас тушить будут. Вот здорово!

А дядька с усами, в каске и с топориком на боку громко командует:

— Быстрее, быстрее!

У одного пожарника прямо из рук как выскочит струя! Высоко-высоко! Будто фонтан из Петергофа прямо у нас здесь очутился.

— Стоп! — кричит командир с усами. — Во время уложились. Можно перекурить.

— Это вы уже так быстро потушили?! — спросил я у одного пожарника. А он снял каску, вытер мокрое лицо и говорит:

— Слава богу, дорогой товарищ, у нас уже целая неделя без происшествий. А это мы тренировались. Понятно?

— Понятно, — говорю, — а вы дайте мне каску поносить. .. Ну, пока вам жарко.

— Поносить-то очень хочется?

— Очень, — говорю.

— Ну, на! — Пожарник надел мне каску, и я сразу перестал всё видеть. Потому что каска-то глубокая! Я в ней прямо утонул. Пожарник мне её поправил, и я опять всё увидел.

— Смотри, Петро Иванович! — смеётся пожарник, — у нас пополнение — ещё один боец выискался...

Все пожарники посмотрели на меня и засмеялись. А уса-тый командир сказал:

— С таким пополнением только пожары устраивать, а не тушить...

— Я ещё ни одного пожара не устроил, — говорю.

— Ну, устроишь... Знаем мы вашего брата.

— Брата?!. А у меня его и нет.

— Ну, будет... — улыбнулся командир.

Один пожарник дал мне рукавицы. Я их надел, а они большие, как резиновые сапоги. Я говорю:

— Наденьте, пожалуйста, на меня ещё ремень с топориком. .. А? ..

— Ну куда тебе ремень с топориком?! — отвечает уса-тый командир. — Свалит он тебя на землю — и не встанешь.

И вот я хожу в каске и в рукавицах, а пожарники смеются. Вдруг подбегает какой-то дядька в очках и с фото-



аппаратом. Он что-то всё жевал, не мог проглотить и всё торопился. Потом он проглотил и закричал:

— Минутку! Минутку! Какой кадр! Какой чудесный кадр! Мальчик, а ну-ка встань вот так!

Я не успел встать, а он отбежал, присел и щёлкнул. Потом ещё раз сто щёлкнул.

— Спасибо, мальчик, — говорит. — И вам, товарищи пожарники, тоже спасибо.

— За что?! — удивился один пожарник. — Можете и нас заодно снять.

— Благодарю, но с вами я встречу в другой раз, — сказал дядька и убежал.

И вот уже прошло много-много дней. И лето совсем прошло, и осень. Я уже совсем забыл про пожарников. И вдруг мы все дома сидим и пьём чай. Папа смотрит в газету и говорит маме:

— Взгляни, какой лихой мальчонка. Фотография называется «Юный пожарник». Прислана на фотоконкурс.

Мама взяла в руки газету.

— Послушай... так это же твой сын! Твой подбородок! Глаз, правда, почти не видно, но явно твои.

— Ты что-то путаешь, — смеётся папа.

— Где, где?! Дайте мне посмотреть, — говорю я.

Папа показал мне газету.

— Конечно это я! — кричу. — Ещё какой я!

— Ну и папа у нас, — сказала мама, — родного сына не узнал!..

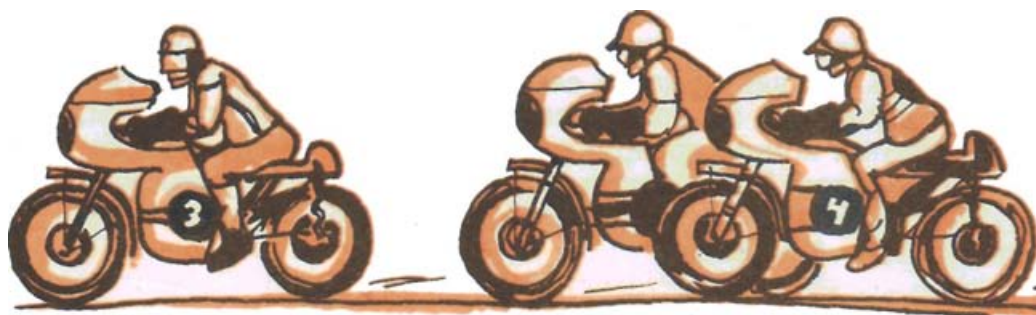
И тут у нас такое началось! Мама купила много газет и вырезала мой портрет. Она стала в письмах посылать меня всем родным.

Все радовались, шутили и поздравляли нас. А тётя Галя не радовалась — она страшно возмутилась. В её письме было написано, что она умрёт, если я вырасту и стану пожарником. Так и написала. Ещё она написала, что все пожарники всё время только спят. Что они храпуны и бездельники

А ведь это неправда! Я сам видел, как пожарники тренировались. Они здорово устали. Какие же они храпуны, если усатый командир приказал им даже покурить. Чтобы они отдохнули. И ещё: когда пожарник надел на меня каску, она была вся мокрая от пота. Вот я вырасту и так и напишу этой тёте Гале.



Там, где
трещат
мотоциклы



Прямо над дорогой высоко-высоко висел длинный красный флаг. На нём было написано белыми буквами: «СТАРТ». А под этими буквами сидели кожаные мотогонщики. На своих мотоциклах. Мне хорошо было видно. Мы с папой и много болельщиков стояли на обочине, у самых канатов. Было очень тихо. Я переступил с одной ноги на

другую и услышал, как у меня под ногами зашкрябнул песок. Вдруг судья махнул флажком. Мотоциклы заревели и рванулись. У некоторых передние колёса так подпрыгнули вверх, будто мотоциклы встали на дыбы, чтобы сбросить всадников. Будто это не мотоциклы, а дикие лошади.

И не успел я опомниться, как ни одного мотогонщика не осталось — все умчались. Осталась только туча синего дыма.

Многие болельщики бросились в сторону. Я тоже бросился, но папа схватил меня за руку.

— Стой здесь! Гонщики идут по замкнутому кругу. Отсюда, — папа показал рукой в сторону поворота, — мы увидим, как они будут проходить вираж.

Рядом с нами спорили болельщики.

— Что там ни говорите, а Гаврилкин придёт первым! — сказал один.

— Кто?! Гаврилкин?! Да ваш Гаврилкин со старта ушёл четвёртым, а Севастьянов — первым!.. — ответил ему дядька в плаще.

— Гаврилкину давно пора пересесть на трёхколёсный велосипед — делать ему уже нечего на кольцевых гонках! — сказал парень в кожаной кепке. В руках у него была газета трубочкой, и он всё ею размахивал.

— Не говорите глупостей! Кто же, по-вашему, может обойти Гаврилкина или, скажем, Севастьянова?! У них — опыт!

— Да хотя бы Егоров!

— Ну, насмешили! Ну, расхохотали!

Парень в кепке так размахался газетой, что сбил шляпу с дядьки в плаще. Шляпа упала и покатилась по земле. Все стали громко смеяться:

— Шляпа улетела!

— Эй, шляпа, лови шляпу!

— Умную голову пошла искать!

Но тут дядька, который кричал, что победит Гаврилкин, показал пальцем на небо и гаркнул:

— Тихо, товарищи! .. Идут.

Мы все бросились к дороге.

Где-то далеко-далеко что-то пищало, как комар.

Скоро из писка получился тихий вой, а потом — громкий треск. С этим треском мотоцикл промигнул мимо меня.

Я видел, как мотогонщик лежал прямо на бензиновом баке мотоцикла. На голове у мотогонщика был синий шлем. Этот шлем прятался за прозрачный обтекатель. Мотогонщик смотрел вперёд. Из-за очков глаза у него были большие, как у стрекозы.

На повороте мотогонщик стал валиться набок. У меня даже дух захватило — ведь он разобьётся! Но мотогонщик не упал. И я так вздохнул, будто это я сам чуть-чуть не разбился.

Вдруг закричали:

— Севастьянов!

— Ура!.. Севастьянов!

— Страсти накаляются, — сказал папа.

Уже много кругов прошли мотогонщики. Несколько раз Севастьянова обгоняли другие, но он всё равно оказывался впереди.

И вот судья показал Севастьянову флаг с чёрными шапечками — значит, ему осталось пройти последний круг. Мотогонщик увидел флаг, кивнул головой — и как даст газу.

— Отчаянная голова этот Севастьянов! — улыбнулся папа.

— Он чемпионом будет, — сказал я.

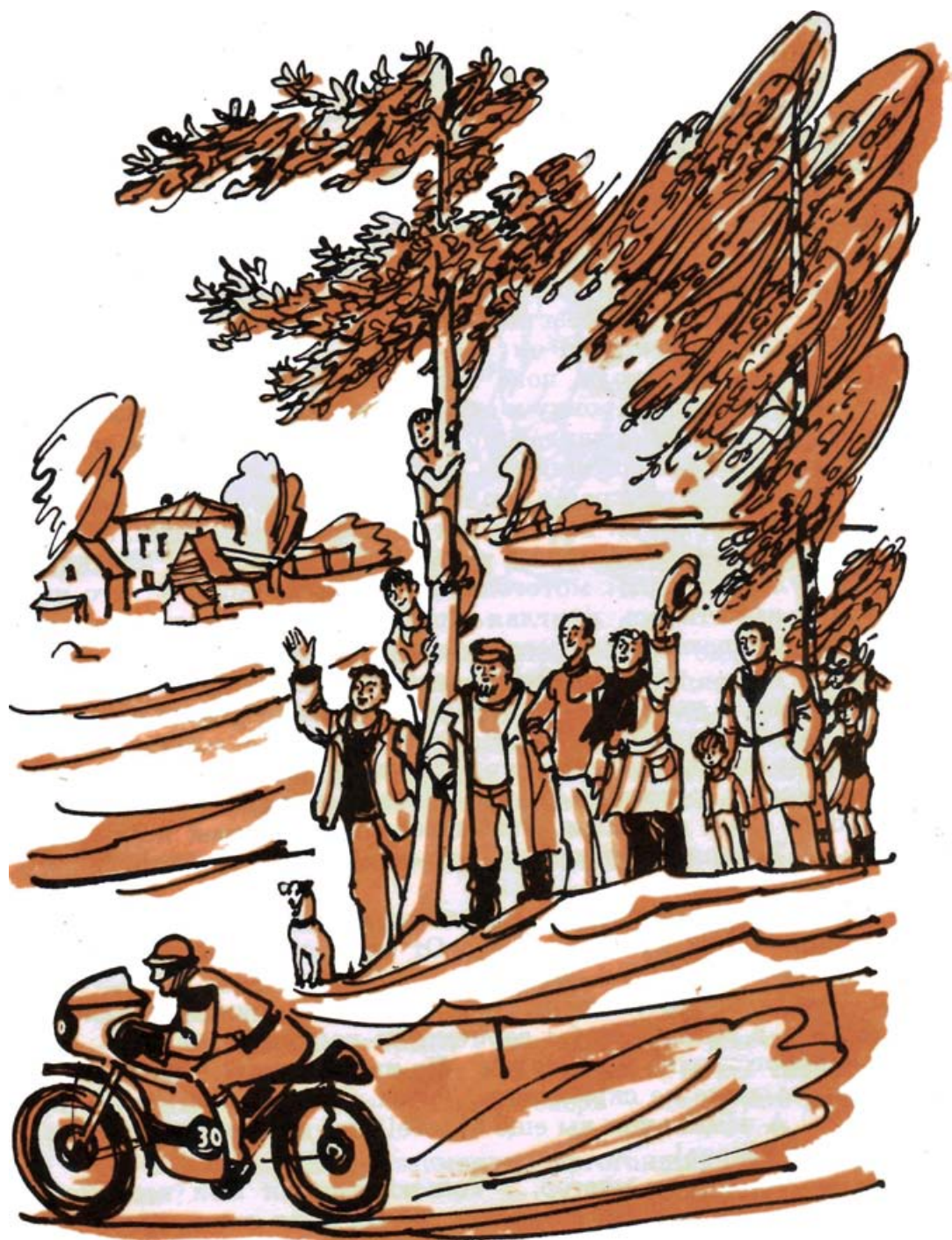
— Молчи, знаток... Ещё посмотрим... Остальные тоже настоящие спортсмены — будут бороться до конца.

— А Севастьянов что?! Не борется, да?!

И вот Севастьянов победил. И стал чемпионом. Он только съехал с дороги, как его обступили болельщики. Откуда-то появились большие букеты цветов, а мой папа куда-то подевался. И я сначала из-за этого разволновался, а потом стал думать про чемпионов. Оказывается, им тоже дарят цветы, а не только мамам.

Севастьянов, весь пыльный, прижимал к себе эти цветы и улыбался, но не очень весело. Наверно, потому, что он очень устал. Только всё равно было видно, что он рад. А болельщики стали его подбрасывать вверх вместе с мотоциклом.

Я тоже хотел подбросить чемпиона, но кругом столько народу, что мне никак было не пробраться. Даже не дотронуться до чемпионского мотоцикла. А мне так хотелось!



Один цветок из букета упал на землю. Я поднял, потому что в этой толкучке его бы только раздавили.

Это был тюльпан на длинной ножке. Малиновый и чуть-чуть синеватый — с синими жилками на толстых лепестках. Один лепесток у тюльпана был сломан, и внутри цветка виднелось жёлтое донышко.

Мне тоже захотелось подарить букет, но у меня был только один тюльпан. «Ну и что, что один?..» — подумал я и снова стал пролезать в толпу.

Какой-то дядька схватил меня за плечо.

— Ты чего тут шастаешь?!

Я хотел сказать, а он:

— Брысь отсюда, пока не отвёл куда следует! ..

Я отошёл в сторонку и стал думать, как мне лучше пробраться. И тут я увидел другого мотогогонщика. Он сидел боком на своём мотоцикле. Совсем один. И никто к нему не подходил. Он смотрел в землю и о чём-то думал. Мне даже показалось, что он вот так вот заснул от усталости. Я подошёл к нему и нагнулся, чтобы увидеть, спит он или нет. Нагнулся, смотрю: мотогогонщик совсем не спит. У него из глаза выкатилась круглая слезинка. Она покатилась по пыльной щеке, и на щеке осталась белая бороздка.

— Ну... что, воробей? — сказал мотогогонщик. Он посмотрел на меня, и у него так скривились губы, будто он хотел улыбнуться, а у него не получилось.

Я сразу догадался, что он не чемпион, что его обогнали. Он, может, оттого и плачет. Потому что он, наверно, не просто ехал, а мчался, чтобы победить.

— Товарищ мотогогонщик, да вы... да вы не плачьте, — говорю я ему.

— Это я, брат, так... соринка в глаз попала... — Мотогогонщик потёр кулаком щёку. От этого щека стала совсем грязной.

— Конечно, — говорю, — если вы без очков мчались. А надо в очках. Чтобы соринки не попадали.

Мотогогонщик улыбнулся. По-настоящему улыбнулся. И губы даже не скривились. Тут я обрадовался.

— А чемпионом вы ещё будете! Ещё каким! Ведь вы же мастер спорта!

— Мастер-то мастер... Только прошли мои чемпионства — пора сходить с трассы... — Он снял шлем, и я уви-



дел, что у него на голове совсем нет волос — одна красная кожа. — Видал, воробей, старого лысого гонщика? .. — Мотогонщик улыбался, а глаза его были грустные-грустные.

Я совсем растерялся. Я прямо не знал, что сказать.

— Вот, — говорю, — это вам... Это цветок, — говорю, — тюльпан... И ничего, что у него один лепесток сломан, всё равно он живой...

Старый мотогонщик встал, подхватил меня и подбросил вместе с тюльпаном.

Он держал меня высоко — на вытянутых руках. И смотрел мне в глаза.

— Ну, воробышек... — сказал он.

А я говорю:

— И вовсе вы не старый! У вас силищи — вон сколько! А старые с палочками ходят и всё ворчат. И всё говорят, что раньше всё лучше было, а теперь — всё хуже. И всё жалуются.

— Ну, воробей!.. — засмеялся мотогонщик. — Звать-то тебя как?

— Вовка.

— Вовка? Ты один здесь?

— Нет. Я с папой.

— Батька-то небось тебя ищет.

— Мы с ним договорились: если потеряемся, то найдёмся, где на флаге написано: «СТАРТ».

— Раз так, — мотогонщик опустил меня на землю, взял за руку, — пошли. Поздравим Севастьянова.

— А чего его поздравлять?! Ему вон сколько цветов давали.

— Значит, по-твоему, не стоит? ..

— Ну да!

— А вот Севастьянов, когда побеждал я, всегда приходил меня поздравить...

— Правда?! А я и не знал! Тогда конечно! Чего тут думать!

Болельщики расступились. Потому что Севастьянов увидел нас. Потому что он замахал руками и радостно закричал:

— Гаврилкин! Паша! ..

Мы подошли. Старый мотогонщик протянул руку Севастьянову, что-то стал говорить ему, а потом нагнулся и сказал мне шёпотом:

— Пожми руку чемпиону. Он победил в честной борьбе.

Рука у Севастьянова оказалась большой и твёрдой. Такой же большой и твёрдой, как у старого мотогонщика.





Однажды я решил наблюдать за мухой. Раньше я как-то совсем не обращал на них внимания. А ведь они летают и ходят по потолку вверх ногами. Я бы на их месте просто упал с потолка на пол, а они там остаются и даже быстро бегают. Почему?

И вот я выбрал себе муху, чтобы за ней наблюдать. Такая серенькая

с прозрачными крылышками. Она сидела на столе, и я стал к ней присматриваться, что она делает. Лапки у неё оказались загнутые, как кочерёжки. И вот моя муха стала тереть одной передней лапкой другую, будто она поплевала на ладошки и собирается колоть дрова. После этого она стала одной лапкой тереть лицо. Тут я догадался, что это никакие не дрова, а это она так умывается. Ей, наверно, хотелось как следует почистить уши, но ушей у неё не было, поэтому она мыла шею.

Я заметил у мухи вместо ушей очень большие коричневые глаза. С такими большущими глазами она конечно меня видела. Она, наверно, просто меня не боялась. И правильно! Если бы она испугалась, я бы не смог за ней наблюдать.

Но тут мухе захотелось полететь, и она полетела. Я за ней.

Она села на окно и стала ползать по стеклу вверх-вниз. Она так быстро ползала, что я совсем не успевал её разглядывать. Мне пришлось носом водить по стеклу, и конечно тут муха испугалась меня и опять полетела. Хорошо, что я заметил: она села на настольную лампу.

Теперь я к ней подошёл очень осторожно. И только я подошёл, она залезла под абажур. Заглядываю под абажур, а она там — в патроне. Я бы выключил свет, но лампы-то нет. И вот эта муха сидит в тёмном патроне, и мне её совсем не видно. Тогда я засунул палец в патрон, чтобы её оттуда выгнать. Тут меня так стукнуло, так двинуло, что я полетел на стул и мы вместе с этим стулом грохнулись о стенку.

Прибежали мама и папа. Они подумали, что я уронил шкаф, что этот шкаф разломался на щепки и что теперь они будут жить без шкафа.

— Ты что тут опять?!. — крикнул папа.

— Не кричи на него, — сказала мама, — ты видишь, как он побледнел?

— В чём дело? — опять спросил меня папа чуть тише.

— То-то-током тью-тью-тюкнуло, — отвечаю.

Папа посмотрел на настольную лампу и всё понял.

— Сунул палец в патрон?

— Я за мухой...

— Тебе что, больше некуда девать свои пальцы?!

— Я за мухой наблюдал, а она в патрон залетела.
И не хотела вылетать...

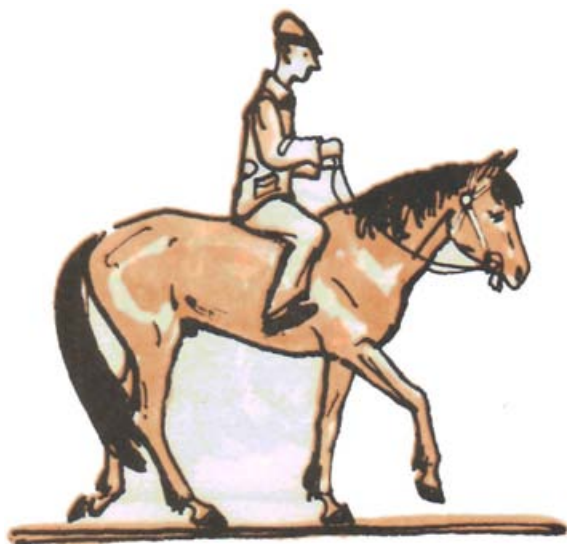
— Опять исследование, — вздохнул папа, — и когда это только кончится?..

— Папа, а почему меня током тюкнуло, а муху нет? Ведь она там, в патроне, сидела, а я только дотронулся...

— Садись, мучитель, объясню... — ответил папа и подтолкнул меня к стулу.



Коржик и Твёлка



Машины мчатся, люди идут, размахивают сумками, портфелями, и вдруг... лошадь едет. По нашей улице — живая настоящая лошадь! Вся коричневая и с гривой! Хвостом машет, гривой кивает, и дорога под ногами у неё цокает. Такой приятный звук. Сразу слышно — живая лошадь едет. А на ней дядька. Она

его везёт, а он сидит и управляет. Они медленно едут. Я подбежал к ним. Иду рядом и на лошадь смотрю. Как она головой кивает и фыркает. Я шёл, шёл и нечаянно сказал:

— Дядя, это лошадь?

А дядька сердито так по сторонам смотрит, меня не замечает. Может, я ему управлять мешаю?

— Лошадь, да? — опять спрашиваю.

— Лошадь... Конь это — понятно тебе?!

— Понятно, — говорю, — а он хлеб ест?

— А ты?! — разозлился дядька.

— Ем. Только я больше с маслом люблю.

— Ну, и он ест. Ступай своей дорогой.

— Эх, жаль!.. — говорю. — Я бы ему хлеба из дома принёс, если бы знал. Может, подождёте? Я быстро сбегая. И конь пока отдохнёт...

— Ты чего к нам привязался, а?! Вот репей... Чего тебе надо?!

— Мне на коня бы посмотреть. Ведь он живой и настоящий. Я теперь когда ещё такого увижу — может, и не увижу.

— Сказал бы сразу: прокатиться охота...

— Не-ет, ему и так тяжело, раз вы на нём сидите. Мне бы потрогать...

— Вон оно что... — сказал дядька совсем другим голосом. — А ну-ка, иди сюда.

Я подошёл. Дядька нагнулся и схватил меня за рубашку на спине. Я и опомниться не успел: сижу на коне, впереди дядьки.

— Мне тут некогда с тобой разговоры разводить. Поедем потихоньку, дорогой Коржика и потрогаешь, — сказал он.

— Коржик?! — удивился я. — Это его такое имя?!

— Угу.

— А вас как зовут?

— Ну, меня не так вкусно — меня Николаем.

— Дядя Николай, а Коржику не тяжело от нас двоих?

— А что ему? Это не телегу с грузом тащить!

Я потрогал Коржикину гриву. Она вся была из толстых и очень длинных чёрных волос. Если бы Коржик захотел и помчался быстро, то грива бы развевалась.



А шея у Коржика мягкая и тёплая. Ему, наверно, приятно, когда его гладят.

— Ну, натрогался? — сказал дядя Николай.

— Нет ещё, — говорю.

— Ладно, хватит. Слезай, а нам дальше надо.

Дядя Николай спустил меня на землю и сказал:

— Ну, бывай!

— Я вас тут подожду, — говорю, — когда обратно поедете.

— О, брат! Мы не скоро.

— А куда вы?

— Да вот Коржика подковать надо. Через час только назад будем.

— А я успею домой за хлебом сбегать?

— Успеешь. Только ты уж лучше захвати сахара кускового.

Я помчался домой. Набрал сахара и хлеба. Выбегаю на улицу, а мне навстречу — Вадик и Толька.

— Ты что, на Северный полюс собрался?!—кричит Вадик.

— Нет, — говорю.

— Не ври! Я вижу: вон как хлебом запасся!

— Это для Коржика.

— Для какого ещё Коржика? — удивился Толька.

Тут я им всё рассказал.

— Вовка! — говорит Вадик. — Ведь мы тоже можем взять для Коржика хлеб и сахар!

— Ведь это же лошадь! Ведь ей же надо много! — обрадовался Толька.

— Правильно! — говорю. — Давайте! Только Коржик — это не лошадь, а конь.

И вот мы стоим с хлебом и с сахаром. Мы стоим на нашей улице, смотрим, как мчатся машины и автобусы. И нам совсем не интересно, куда это они все едут. Ведь мы ждём Коржика и дядю Николая.

— Я его вперёд вас увижу — у меня зрение хорошее, — говорит Толька. — А ещё я длиннее всех. — Он и правда растёт только в вышину. Папа говорит, что он потому, наверно, и тощий, как спичка.

— Сказал тоже... может, я вперёд. Я его узнаю за сто километров, — говорю я.

Вадик толкнул меня:

— Чего спорите?! Вы лучше смотрите, а то с вашим зрением только прозеваем.

У меня в руке было два куса сахара. Мы так долго уже стояли, что сахар начал таять. И даже пальцы от этого стали липкие.

Мы и не заметили, как на нашей улице зажёгся свет. В небе появились звёзды, а Коржика всё не было.

— Что же это его нет? — сказал Вадик.

— Давайте съедим по одному кусочку сахара, ведь он всё равно тает, — предложил Толька.

Мы съели по кусочку сахара, а Коржика всё не было. И когда мы съели по пять кусочков, мы пошли домой.

Я уже совсем не думал про Коржика. Только во сне два раза его видел и разговаривал с ним и дядей Николаем про лошадиную жизнь.

И вот однажды прибегает Толька ко мне. Я дома был.
— Вовка, ты здесь сидишь, а у магазина, может, Коржик стоит и ждёт, когда его угостят сахаром! — кричит он.

— Коржик?! Не может быть!

— Кто же ещё?! Забыл, что ли?! Бежим!

— Бежим!

Подбегаем к магазину.

— Коржик! Коржик! — закричал я, потому что увидел и сразу узнал его. Конечно это был он — коричневый и с чёрной гривой. Только он стоял, смотрел в землю и будто не слышал, как я ему кричу. Может, он меня забыл? А может, он просто устал, потому что к нему была прицеплена телега на таких толстых резиновых колёсах? Конечно он устал. Конечно он меня узнал и тоже обрадовался, только про себя.

Мы стали угощать Коржика. Он брал у нас хлеб прямо с ладоней. И губы у него были такие мягкие и тёплые. А на нижней губе несколько жёстких волосков. От них моей ладошке становилось немного щекотно.

Толька прыгал от радости, что Коржик берёт у него хлеб и сахар и совсем не кусается.

— Глупый, — сказал я, — зачем же он будет кусаться, если ты его угощаешь как друга.

— Зачем, зачем... Вон у него какие зубы!

— Такими зубами, если хочешь знать, очень здорово пережёвывать пищу.

У нас кончился хлеб и сахар, и мы стали гладить Коржика по лицу. Коржик уткнулся мне прямо в шею. Я стоял и не шевелился. Я стоял и чувствовал, какой он весь тёплый и живой.

— Вовка, вы шепчетесь, — сказал Толька, — а тут муха хочет укусить Коржика в глаз.

Я посмотрел — и правда. На длинной ресничке Коржика, как на веточке, сидела муха. Толька стал изо всех сил дуть, чтобы её согнать. Муха испугалась ветра и улетела, а мы с Толькой стали смотреть Коржику в этот глаз. Он был большой и тёмный. Он был весь, как тёмная, глубокая вода. И ещё в Коржикином глазу мы увидели себя, как мы стоим рядом и у Тольки — рот до ушей.

— Ну, чего уставились?! — услышали мы вдруг.



Это был не дядя Николай, а какой-то совсем незнако-
мый дядька.

— Муха хотела укусить Коржика в глаз, а мы её согнали. Вот, — сказал Толька.

— За муху спасибо, — дядька стал поправлять ремни на Коржике, — только мою лошадь зовут Пчёлка.

— Какая Пчёлка?! А где Коржик?! — крикнул я.

— Не знаю, где ваш Коржик. Садитесь — прокачу.

— А она у вас подкована? — спросил я.

— А ты как думал. На неподкованной ездить — значит лошадь не жалеть.

Но мы с Толькой не сели. Мы пошли домой.

— Эх... не Коржик оказался. А я-то думал...

— Ну и что, что не Коржик?! Пчёлка — тоже хорошая лошадь! — сказал Толька. — И как похожа на него — почти Коржик. Ведь правда?

— Правда...

— И чего ты расстраиваешься? Я вот с одной Пчёлкой подружился, а ты ещё и с Коржиком. Тут радоваться надо, что так повезло — сразу две лошади...

— Толик, может, дядя Николай работает с Коржиком в другом месте? Может, ещё и к нам приедут? ..

— Конечно! Я как увижу — сразу тебе скажу.

— Интересно, дядя Николай подковал Коржика?..

— А ты как думал?! На неподкованной ездить — значит лошадь не жалеть! Сам же слышал! — сказал Толька и положил мне на плечо свою руку.





70

рка собрал нас всех и сказал:

— Я смотрю, мучаетесь вы бездельем. Слоняетесь по двору, как три богатыря на пенсии. А ведь вы ещё совсем молодые. Ещё только начинаете жить. Вот я и решил занять вас тимуровской работой. Знаете, что это такое?

— Нет, не знаем, — сказал я.





А Вадик сказал:

— Знаем. Это помогать, кому трудно и тяжело.

Юрка хлопнул Вадика по плечу.

— Приятно иметь дело с понижающим человеком! Ну как? Берёмся помогать?

— Конечно берёмся! — обрадовался Борька. — Кому помогать?

— Помочь надо мне.

— Тебе? .. — удивился Вадик. — ты что — больной?

Юрка взял Вадика за воротник.

— Ну ты... самый умный! — слушай. У меня сегодня мамахен

из Тулы возвращается. Надо навести порядок в квартире.

— А Мамахен — это ваш родственник? — спросил я.

— Это я тебе потом растолкую, а сейчас слушай внимательно, — отвечает Юрка. — Почему я обратился к вам за помощью? Дело в том, что я тоже занят тимуровской работой. Какой? Помогаю Мишке. Знаете Мишку?

— Ещё как знаем.

— Ну так вот. Между нами говоря, этот Мишка в математике ни бум-бум. Не соображает. — Юрка постучал пальцем себя по голове, будто по пустому ведру. — Вот я и занимаюсь Мишкиной головой с утра до вечера. Учусь соображать. Даже поесть некогда. Представляете?

— Представляем.

— Ну, так поможете?

— Конечно поможем! — кричим.

— А я вам за это спасибо скажу. Только потом, когда всё сделаете.

— Мы и без спасибо поможем. Нам не трудно, — сказал Толик.

Мы пришли к Юрке. Он открыл дверь, и мы увидели такое... такое, будто в Юркиной квартире случилось землетрясение, все люди погибли, остались только вещи. Они валялись на полу. Книги, паяльник, коньки, утюг, велосипед. Посреди большой комнаты — таз с чайником. На телевизоре — клюшка и хоккейные рукавицы. На столе — тарелка

с хлебом. В тарелке с хлебом — шайба. А на кухне — лыжи. С пристёгнутыми ботинками. Будто Юрка хотел из кухни проехать в комнату на лыжах. А палки висели в коридоре на вешалке, как пальто.

— Не пугайтесь, ребята, — сказал нам Юрка. — Я пока przygotowуюсь к приходу Мишки, подумаю, какую задать ему задачу. А вы приступайте. Что куда положить — я подскажу.

Мы приступили.

Я мокрой тряпочкой вытирал книги и ставил их на место в шкаф. Книги были толстые и очень пыльные, будто они валялись на дороге.

Пришёл Мишка. Они с Юркой сели на диван и уткнулись в свои учебники. Когда Борька подметал возле дивана, они только ноги поднимали. А Мишка бурчал:

— Помощнички,.. только пыль столбом...

Я протираю себе книги, вдруг слышу, начали решать какую-то задачу:

— А-семь, бэ-четыре, — говорит Юрка.

— Мимо. Зэ-три, вэ-восемь, — отвечает Мишка.

— Мимо. А-два, вэ-восемь.

— Попал. Вэ-один, вэ-пять. Не подглядывай.

— Мимо. Я не подглядываю. В какой попал?

— Сам догадывайся...

Мы всё сделали. Борька с Вадиком даже устали — четыре ведра мусора вытащили на помойку, пол в кухне вымыли и таз положили на место. А Юрка сказал нам в прихожей:

— Теперь идите по домам. За помощь — спасибо. Выручили.

— Юрка, скоро ты там?! — кричит Мишка.

— Иду, иду! — И Юрка захлопнул за нами дверь.

Я рассказал папе про нашу работу. Как мы здорово помогли Юрке. Я думал, папа меня похвалит, а он вдруг говорит:

— Послушай, Вовка! Ваш Юрка — это же обманщик и прохиндей!



В таких надо из рогатки стрелять... гнилыми помидорами! Вы думали, он с Мишкой задачи решал?!

— Конечно!

— Ничего подобного! Пока вы старались, они в «морской бой» играли. Играли!.. Понимаешь?!

Я сначала не поверил. Но тут папа взял бумагу в клеточку, нарисовал большие квадраты и стал объяснять мне игру.

— Ну, понял?

— Понял, что Юрка прохиндей, а игру ещё не понял, — говорю.

— Жаль, что я тебя этой игре раньше не обучил. Многому мне тебя ещё надо научить... — сказал папа и задумался.





Я

выключил свет,
подвинул стул к
самому окну и сел.
Коленкам моим
сразу стало тепло,
потому что они прижа-
лись к батарее. А на дво-
ре было уже темно, шёл
снег, и я на все это за-
смотрелся.

Снежинки за окном
падали и падали. На небе
им, наверно, было холод-
но и скучно. Наверно, по-
тому им захотелось сюда,



к нам — на землю. Потому что у нас на земле живут люди, деревья, животные и птицы. И маленьким птицам, хоть они только пищать умеют, мы строим кормушки на зиму. Чтобы этим всяким пернатым было веселее перезимовать. Ведь у нас и фонари горят, чтобы каждый мог найти дом. Так что я бы на месте снежинок тоже падал бы вниз. Спешил бы сюда, на землю.

И вдруг я подумал, что снежинки сейчас торопятся к нам, а мы их не встречаем — ведь все люди уже дома, и во дворе никого нет. Тут я вскочил и бросился за своей курткой.

Мама крикнула:

— Куда?

Я крикнул:

— Встречать!

Мама крикнула:

— Кого?!

А я не успел крикнуть, потому что закрылась дверь.

И когда я выскочил во двор, я стал себя ругать за то, что сидел дома и грел коленки о батарею.

Я задрал голову и увидел множество снежинок. У меня даже дух захватило.

Все они летели ко мне с вышины. Будто обрадовались, что я наконец вышел. И они падали мне на лицо холодными пятнышками. И даже на зубах я почувствовал холод, как от студёной воды.

А очень высоко в небе я разглядел три звезды. Они ещё не спали. Они там, у себя наверху, переливались разноцветными огнями. Я даже подумал, что это как раз они и рассыпают снежинки. Потому что, когда снежинки подлетали ко мне, они становились похожими на эти звёзды. И вдруг высоко-высоко я увидел одну очень большую снежинку. Она не летела. Она спускалась. Прямо ко мне. Я испугался: ведь если она упадёт на моё лицо — она растает! И я её даже не разгляжу!

А она всё ниже и ниже.

Я встал на цыпочки, поднял руки, и она села мне прямо на варежку. Тут я осторожно вытащил руку из варежки, потому что моя рука была очень горячая. Я стал ею махать, чтобы она поскорее остыла.



И вот рука совсем замёрзла. Я засунул её в холодную варежку и пошёл к столбу. На нём как раз светилась лампа. Я нагнулся рассмотреть снежинку и увидел... увидел, что у меня на варежке лежит настоящее чудо.

Снежинка была такая большая, такая тоненькая! И чуть-чуть шевелилась. Будто дышала. И ещё мне показалось, что она позванивает огоньками. Я даже засмеялся.

— Мальчик, ты что нашёл? — спросил меня кто-то.

Я поднял голову.

Это был высокий дядя в огромной пушистой шапке. Он уткнулся носом в воротник. Из кармана у него тащился поводок. На поводке была маленькая мохнатая собачка.

Я страшно обрадовался.

— Смотрите, что у меня!..

Дядя нагнулся. Он даже шапку прижал рукой к голове. Чтобы она не свалилась.

— А-а, — говорит, — снежинка.

— Смотрите, она будто дышит! Как живая, правда?

— Ну, брат, сказал! Это же просто кристалл. А кристаллы не дышат.

— Кристалл? ..

— Ну да! Правильный кристалл замёрзшей воды...

— Ну и пусть... А хотите, я вам её подарю?

— Что? — не понял дядя.

— Снежинку.

— Нет уж! Нам не надо... — засмеялся дядя. — Вон сколько такого добра под ногами. — И они ушли.

Вот если бы вышла наш дворник тётя Паня! Вот это было бы да! У тёти Пани такой голос! С таким голосом хорошо командовать пароходами. Чтобы они плыли в разные страны. Тёте Пани снежинка бы понравилась. Я знаю. Она бы своим голосом спросила: «Где ты такую взял?!» А я бы конечно эту снежинку подарил ей. Она бы стала её рассматривать и радоваться. А я бы погрёб большой лопатой.

Но тёти Пани не было. Может, она сейчас сидит у себя в квартире и пьёт чай с вареньем. Пускай уж пьёт и отдыхает.

Я ходил возле нашего дома совсем один.

Мне захотелось ещё раз посмотреть на свою снежинку, и я пошёл к столбу с лампочкой. И вдруг по дороге я увидел целую гору снега. Да ведь это же «Москвичок»! Старый, совсем сгорбленный «Москвичок» Аверьяна Ивановича! Теперь он будет тут замерзать до самой весны, пока снег не растает. А потом к нему придёт Аверьян Иванович и начнёт его заводить. «Москвичок» будет чихать, тарарахать и не заводиться. Потому что от старости у «Москвичка» кончились машинные силы. Аверьян Иванович рассердится, закричит:

— Ах ты, ржавая кляча! Драндулет! Консервная банка! Я тебе, керегаз! — и замахнётся на него заводной ручкой.

Хорошо, что я его узнал!

Я полез к нему прямо по сугробу.

— Здравствуй, «Москвичок»! Как ты тут?

В «Москвичке» что-то чикнуло. Будто он хотел прокашляться и поздороваться со мной.

Я утоптал снег спереди и присел.

«Москвичок» посмотрел на меня старыми стеклянными глазами. У него над глазами лежали толстые белые брови из снега. Из-за этого «Москвичок» казался совсем грустным.

— Ты только посмотри, — говорю я ему, — что я тебе принёс! Видишь? Здорово?! Это не просто кристалл, а я и сам не знаю что... Хоть это и снежинка... Ты, «Москвичок», не думай, я её никому не отдам. Я тебе её подарю. Хорошо? Пусть она с тобой побудет. Вот здесь. Ладно? А завтра я к вам приду...



„И будем любоваться
нашими
Ленинградом...“



Все уже разъехались, потому что наступило лето. И Борька разъехался, и Вадик. Остались мы с Толиком как одинокие. Только мы с ним сильно не горевали. Мы с ним чёртиков рисовали. Целыми днями. Потом стали делать чёртиков из бумаги. Надуешь его, хлопнешь по нему кулаком и — б-бах! — получился взрыв.

Мама выгонит нас на улицу, мы погуляем немного и — домой. Потому что разве на улице получится громкий взрыв? Ни за что! Мы пробовали.

— Ну, чертенята, — сказал однажды папа нам с Толиком, — не оглохли ещё от грохота?

— Ещё ничего... — сказал Толик. — Только надоело.

— Я думаю, — говорит папа. — Я вот что ещё думаю. Завтра у нас суббота — день не рабочий. Так вот, в связи с этой субботой и в связи с тем, что от вашей пальбы у многих раскалывается голова, я хочу предложить вам одну идею. Идея небольшая — всего со спичечный коробок. Вы слушаете меня или чёртиков делаете? ..

— Мы слушаем и немножко делаем, — отвечает Толик.

— Ну так вот. Завтра, на самом раннем рассвете, мы едем к Неве. У Эрмитажа садимся на теплоход и с борта теплохода будем любоваться нашим Ленинградом. Представляете?! Вашим восхищённым взорам предстанет величественная панорама Зимнего дворца, Университетской набережной и Академии художеств со сфинксами у воды. Мне припоминается, что в одну из сухопутных наших прогулок мистер Толя залез на сфинкса. Мало того, что он оседлал скульптуру, он чуть не шлёпнулся с каменного изваяния в Неву. Было такое? — Папа посмотрел на Тольку.

Я кивнул головой вместо Тольки, потому что я тогда тоже залезал на сфинкса.

— Ну так вот, завтра это не повторится. Завтра мы с воды, собственными глазами увидим золочёный купол Исаакия, в то время как сам собор будет утопать в зелени. А также мы увидим «Медный всадник» — детище известного вам скульптора... — Папа замолчал и посмотрел на нас.

— Фальконе, — зевая, сказал Толик. Он так сказал, будто этот самый Фальконе — какой-нибудь старенький пенсионер и живёт в одном доме с Толькой. Будто Толька ему даже однажды помог из ящика вытащить газету.

— Правильно! — сказал папа. — Толя, значит, ты одобряешь моё предложение?

— Одобряю. Только вот у теплохода будет идти дым? Я хочу чтоб из трубы дым шёл.

— При чём тут дым?! — крикнул я.

— Тихо, Вовка! Человек хочет, чтобы у теплохода из трубы шёл дым. — Папа подмигнул Тольке и добавил: — Я думаю, мы уговорим теплоход немного подымить специально для нас. Хорошо?

— Тогда хорошо, — улыбнулся Толик.

И вот мы на Неве. Идём по набережной Кутузова. И столько кругом народу! Все нарядные и ходят туда-сюда. А у девчонок на голове такие большущие яркие банты. Ветер дёргает их за банты, и девчонки кричат: «Ой! ..» — и хватают их руками, чтобы они не улетели, потому что без бантов некрасиво.

И на Неве ветер. Он взбулькивает волны, и они хлопаются об гранит. А солнце светит и зажигает всё золотое на ограде Летнего сада. И наш теплоход, прямо как по заказу Толика, пускает дым. Он пускает дым и чуть-чуть трясётся, оттого что работает.

— Давайте быстрее! — закричал Толик. — А то он без нас уплывёт! — и так припустил, что я и папа чуть не потеряли его. Толька хоть и тощий, а бегаёт — будьте здоровы.

Мы успели. И пока теплоход не отплыл, мы стали выбирать место, откуда нам смотреть. Мы с Толькой и вниз спустились — там ещё такие мягкие сиденья. И вдруг Толик меня чего-то зовёт. Я подошёл к нему. Он открыл железную дверь, и мы увидели теплоходную машину. Там никого не было. Мы спустились по ступенькам вниз и подошли к машине. В ней что-то чухало: чух-чух-чух.

— Во как чухает, — сказал я Тольке.

— Это она работает.

— Ну, а дальше что будет? .. — услышали мы.

Рядом с нами стоял дядька в синем рабочем костюме. У него были закатаны рукава, и он всё время вытирал мягкой тряпочкой свои жёлтые руки.

— Вы кто? — спросил я дядьку.

— Я механик, а вы кто?

— А мы...

— А мы...

Тут открылась дверь, и мы увидели моего папу.

— Теплоход отошёл, а я бегаю, как гончая, и повсюду разыскиваю вас! — закричал он.

— Неужели мы уже плывём?! — удивился Толик.

— Уже вышли на фарватер Невы, — сказал механик.
— А вы покажите нам винт, который гребёт, — сказал вдруг Толька.

— Винт находится за кормой теплохода. Сейчас его увидеть нельзя. А вот вал, на котором сидит гребной винт, можно увидеть. Пойдёмте со мной.

— Это любопытно, — сказал папа, и мы все пошли по железному полу за механиком.

Мы увидели вал, круглый и толстый, как столб. Он крутился совсем не быстро. А за железной стенкой шипела и хрипела вода. Там грёб винт.

— А вот это уже по моей части! — Папа очень обрадовался, когда увидел чёрный пластмассовый ящичек. Я догадался, что это не просто ящичек, а прибор.

Спереди у него — выпуклое стекло, за стеклом дрожала стрелка. Кончик у стрелки был острый, как птичий клюв. Клюв показывал на цифры.

— Как вы думаете, что это такое? — Папа постучал ногтем по ящичку.

— Это? Прибор! — вперёд меня ответил Толька.

— Правильно, мистер Толя! От прибора, смотрите, идёт провод. Давайте, друзья, проследим: куда же это он направился?

Проводов было много, поэтому мы шли и руками держались за наш, чтобы не спутать его с другими.

— Вот! Вот куда он приходит! — Толька схватился за какую-то железную трубку.

— Нашли! Нашли «карман», — папа погладил рукой трубку.

— Карман?! — удивился я. — А что в него кладут?

— Да. Так называется эта штуkenция. В него не кладут, а вставляют датчик, или, точнее, «термометр сопротивления».

Я думал, что карманы бывают только у брюк и пальто, а оказывается, ещё и на кораблях. Да ещё из железа!

— Ясненько, — продолжал папа. — Наш датчик следит за температурой подшипника: чтобы он, дорогой, не перегрелся, не расплавился.

— А где же этот подшипник? — спросил Толик.

— Да вот под этим кожухом! — Папа хлопнул рукой по толстой железяке. — Ну, а температуру подшипника

можно увидеть по прибору — сюда и подходить не надо. Умный прибор?

— Это тот, со стрелкой, который мы видели?

— Ну конечно! А называется наш прибор — логометр. Запомнили?

— Запомнили.

Вдруг папа увидел ещё один интересный прибор. Он уже начал про него рассказывать, но тут подошёл механик и говорит:

— Братва, прогулка окончена.

— Как?! Уже?! — крикнул папа.

Он схватил меня и Тольку за руки, и мы выскочили на самый верх.

Здесь было солнце, дул ветер, и теплоход наш стоял у самого Эрмитажа. Как будто совсем никуда не уплывал.

Папа посмотрел на нас, засмеялся и сказал:

— И это называется празднично умытые дети!

У Тольки весь нос был запачкан мазутом. А у папы щёки.

— Вовка, — сказал Толик, — вытри бороду. Она у тебя вся грязная.

— А ты?! Полюбуйся на себя! Сразу видно, что ты своим носом лазал в теплоходную машину!

— Вот что, друзья мои, — сказал папа, — едем домой отмываться. Зато в следующее воскресенье, на самом раннем рассвете, мы вернёмся сюда, сядем на теплоход и будем любоваться нашим Ленинградом...





- **Н** у, а спички, — ска-
зал папа, — я за-
бираю, чтобы вы
не учинили ма-
ленький пожар на
весь большой дом,

А мама добавила:

— Остаётесь сами се-
бе хозяева. Играйте в ка-
кие-нибудь тихие игры,
мы с папой скоро вер-
нёмся.

И вот мы остались
совсем одни: Борька, Ва-
дик и я.

До чего же хорошо быть самому себе хозяином! Хочешь — спи! А хочешь — доставай на кухне из шкафа компот и ешь, хоть весь! И никто тебе не скажет, что компот нельзя есть большой столовой ложкой.

Сначала мы даже не знали, с чего начать. Мы с Борькой сидели на диване и подпрыгивали — кто выше. От этого пружины хрюкали, как поросята. Борька хотел подпрыгнуть до потолка. Я — тоже. У нас уже неплохо получалось, но тут Вадик позвал нас из кухни:

— Ребята! Давайте чай пить?! Чайник вон ещё какой горячий. Он потом остынет, а у нас ни спичек, ничего.

Мы с Борькой потрогали чайник. Он был горячий.

— Правильно! — обрадовался Борька. — Надо пить, пока горячий. Ещё неизвестно, когда придут твои папа с мамой. — И он посмотрел на меня.

Маленький чайник с заваркой мы не нашли, а нашли пирог с творогом. Стали пить чай так — с пирогом. Он был вкусный и большой.

— Я себе сам отрежу. — И Борька отрезал от пирога такой кусище, что он у него даже в руках не поместился.

— Вот обжора, — сказал Вадик.

— А мне, может, так вкуснее, — ответил Борька.

Мы выпили весь чай и съели весь пирог.

Пока мы ели, от Борькиного куска отлетали большие крошки. Прямо вся скатерть была засыпана,

— Ну и неряха же ты! — говорю я ему. — Полпирога раскрошил!

— Ни себе, ни людям, — сказал Вадик.

— А я эти крошки съем! Вот сейчас, — отвечает Борька.

Мы с Вадиком подняли скатерть за краешек, а Борька подставил тарелку.

— Ребята! — вдруг крикнул Вадик. — Смотрите! Я привидением буду! — И он набросил на себя скатерть. Тут мы с Борькой испугались: ни рук, ни ног — одно только белое. Мы побежали в комнату, а Вадик за нами. Борька забыл про крошки, бежит с тарелкой в руках.

— Ребята, я же привидение! — кричит Вадик. — Вы от меня не убегайте! Вы меня ловите!

Тут Борька немного успокоился и сказал:

— Я вот сейчас доем и буду ловить.

Борька высыпал крошки из тарелки прямо себе в рот

— Ну, где привидение?! Сейчас я его поймаю! — И мы с Борькой стали ловить привидение.

Когда Вадик устал, я сделался привидением. А потом Борька. А потом я достал из шкафа простыню, потому что она была больше скатерти и в ней легче бегать. И совсем не было страшно, а только весело. Почему все боятся привидений?

— Нам надо какую-нибудь жуткую музыку, тогда совсем не будет смешно, — говорит Вадик.

Я включил проигрыватель и поставил пластинку. Она запела:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда...

— Это, по-твоему, ужасная музыка?! — набросился на меня Вадик. Он стал рыться в пластинках и конечно ничего нужного не нашёл.

— Я придумал! — сказал Борька. — Я поставлю стул около дверей и залезу на него. Придут Вовкины мама с папой, откроют дверь и увидят привидение. — Борька посмотрел на нас. Он всегда так. Мол, здорово я придумал. И тут, если Борьку похвалить, он нахмурится, а сам доволен-доволен.

— Вот это здорово! — крикнул я.

— А мы с Вовкой спрячемся! — кричит Вадик. — Вовкин папа увидит и скажет: «Прямо чудеса в корыте!»

Мы поставили стул у дверей. Борька забрался на стул и закутался в простыню. Даже не видно было, на чём он стоит. Ну, не Борька в простыне, а настоящее привидение!

Мы с Вадиком спрятались так, чтобы всё было видно. В квартире стало тихо, будто и нас нет.

— Ну, скоро они там придут? У меня ноги уже устали, — заныл Борька.

— У привидений ноги не устают. Они всю жизнь бегают, — говорит Вадик ему.

— Если бы я бегал, я бы тоже, может, не устал.

И тут кто-то вставил ключ в замок. «Пришли», — подумал я.

Дверь открылась. На пороге стояла Раиса Ефимовна, наша соседка. Она взглянула на Борьку в простыне, и рот у неё стал медленно раскрываться, а очки полезли к кон-

чику носа. Оба глаза у неё вдруг расширились, а потом как-то так странно посмотрели друг на дружку.

— Батюшки!.. Что ж это такое?! — сказала она шёпотом..

Раиса Ефимовна хлопнула дверью и повернула ключ.

— Ну как? Здорово?!—спросил Борька, вылезая из простыни.

— Здорово-то здорово... — говорю. — Только это не папа с мамой были, а Раиса Ефимовна.

— А зачем она заходила?

— Зачем, зачем... Ей папа ключ, наверно, оставил, чтобы она посмотрела, как мы тут себя ведём.

— А чего? Мы себя хорошо ведём. Мы же не знали, что она придёт, — сказал Вадик.

— А она хоть немножко испугалась? — спрашивает Борька.

— А ты как думал?

— Ну вот, Вовка, — говорит Вадик, — теперь Раиса Ефимовна больше не придёт. Теперь только твои мама с папой придут. А они не испугаются. Они только засмеются. И мы посмеёмся. Так что давайте я постою привидением, а Борька пусть отдохнёт.

Мы так и сделали.

Кто-то стал открывать дверь.

— Ну, что я вам говорила? .. — раздался дрожащий голос Раисы Ефимовны.

В дверях стояли она и два милиционера.

— Кажется, гражданка Смирнова не ошиблась, — сказал один милиционер другому. — Тут от детей одно привидение осталось. Всё в белом — как положено. Ребятню съело, теперь нами закусить, наверно, не прочь...

— Да какое это привидение?!—отвечает ему другой милиционер. — Так... простыня. Висит и сушится.

— Уж очень странное место выбрали для просушки...

— Я думаю, надо вынести во двор эту простыню и повесить её на верёвку, — сказал первый милиционер. Он обхватил рукой Вадика в простыне и снял со стула. — Ну и тяжёлое...

— То-то-товарищи ми-ми-милиционеры... — раздался голос Вадика. Он никогда не заикался, а тут вдруг научился,

— Ну и дела! Привидение заговорило, — сказал второй милиционер, помогая Вадике выбраться из простыни.

— Ты кто? — спросил его первый милиционер.

— Я-я-я Ва-ва-вадик...

— Это твоя квартира?

— Не-ет.

— Вот так раз! А как же ты очутился в чужой квартире?

— Я-я-я в го-гостях...

— В гостях?! У кого в гостях?

— У Во-во-вовки...

— А где сам Вовка?

— Та-та-там... — И Вадик показал рукой в комнату, где были мы с Борькой.

— А ну-ка, пойдём посмотрим где.

Милиционеры вошли в комнату и стали нас искать.

Один милиционер заглянул под кровать и сказал другому:

— Виктор, полюбуйся! Вот ещё два привидения сидят. Правда, не в белом...

— А ну, вылезайте! — сказал другой милиционер.

Мы вылезли.

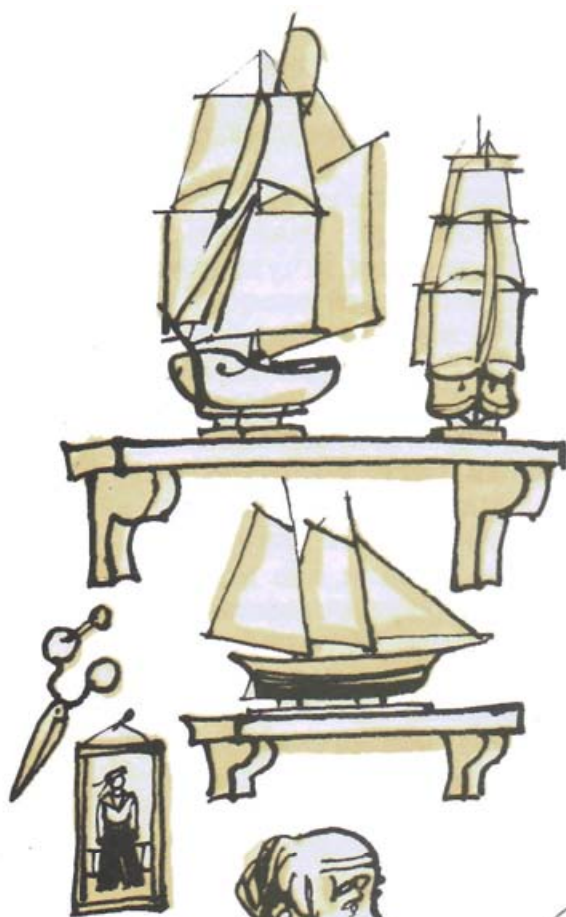
В коридоре стояли мама и папа. Мама увидела рядом с нами милиционеров, и у неё в глазах появились слёзы.

— Ведь я вас просила: поиграйте в тихие игры... — сказала она.

— Вовка, в чём дело? .. — спросил папа.

Я посмотрел на папу и нечаянно полез под кровать. Борька полез тоже.





Парусам
нужен
ветер



Когда Борькин де-
душка идёт по
улице из магазина,
когда он несёт в
сетке бутылки с
кефиром и всякие другие
продукты, вы ни за что
не догадаетесь, что он
был моряком.

Он идёт в своём ста-
реньком пальто, в вален-
ках с галошами, курит
свою маленькую матрос-
скую трубку и кашляет.
Люди проходят и не

смотрят на него, будто этот дедушка просто пенсионер. Зато мы — все во дворе — знаем деду Гришу. Борька показывал нам жёлтую-прежёлтую карточку. На ней деда Гриша совсем молодой. Он в белой морской форме, и усы у него не седые, а чёрные. Только они кажутся жёлтыми из-за карточки. И деда Гриша, такой сильный и высокий, смотрит на нас и улыбается. Потому что, наверно, он был весёлый человек.

Деда Гриша живёт в маленькой комнате. В ней диван, стол и много полок на стенках. И на этих полках стоят старинные корабли.

Они на таких подставках. Их можно поворачивать, чтобы лучше разглядывать. Когда посмотришь на эти полки, то прямо глаза разбегаются, потому что так много всяких лодок и лодочек, корабликов и кораблей.

И все они с парусами и с канатами, с настоящими бортами и мачтами, с якорями и флагами. И есть даже маленькие блестящие пушечки на самых больших кораблях.

И всё это деда Гриша сделал сам. Своими руками. У него такие толстые и скрюченные пальцы, и прямо непонятно: как у него в руках ничего не ломается?

А на столе у него... чего только нет!.. Маленькие тисочки, шильца, ножички, напильнички, иголки, ножницы, одних молоточков всяких — не сосчитать! А кусочки блестящей жести, картон, бумага, палочки простые и бамбуковые, нитки для канатов, всякая проволока, железки, наждачная бумага с крупными камешками и с мелкими, кусочки кожи, гладкие досочки из всяких деревьев, различные краски в тюбиках! А клей в большой железной банке. И всем этим в комнате так пахнет! Так бы и нюхал всю жизнь.

Ещё на столе стоит большая настольная лампа. Она горит очень ярко. Деда Гриша включает её и днём, если работает.

Мы всегда ждём не дождёмся, когда Борька уговорит своего дедушку, чтобы он разрешил нам прийти и посмотреть такое богатство.

— Ну что, орлы?! — говорит деда Гриша, когда мы приходим. — Попутным ветром занесло? .. — И он щурится и кашляет от дыма из матросской трубки.

А Борька стоит рядом в своей тельняшке. И так сердито хмурится, будто мы пришли только мешать. А ведь он же сам позвал. С разрешения деда Гриши.

— Занесло, — отвечаем.

— На два метра от стола — и не шевелиться! А то вы хоть и маленькие, но всё равно, что слоны в посудной лавке — того и гляди, опрокинете мне что-нибудь. Да и народу-то вас — вон как густо, — говорит дед Гриша и смотрит вместе с нами на свои полки. В это время он уже ничего не делает. Борька говорит, что дед не любит работать, когда у него стоят за спиной.

И когда мы насмотримся издалека, дед Гриша осторожно возьмёт за подставку какой-нибудь корабль и поставит на стол. Потом включит настольную лампу и медленно поворачивает корабль.

Мы рассматриваем его борта, мачты и паруса. Он стоит перед нами как настоящий, как живой. И только паруса болтаются белыми тряпочками, как будто никогда не слышали про морской ветер.

.. Однажды была весна. Солнце вставало рано-рано. На карнизах домов выросли длинные прозрачные сосульки. С них сползали капли и шлёпались об асфальт. Капли не замерзали, потому что становилось всё теплее. И воробьи кричали всё веселей и веселей. Они ерошили свои пёрышки, и так им не терпелось слетать куда-нибудь или просто подраться друг с другом, что они минуты не могли усидеть на месте. И почки на берёзах стали совсем светло-коричневыми, и кусты в скверах сбросили с себя снег, распрямились и вздохнули.

А на улицах появилось столько луж! Ну, будто во всём городе испортился водопровод. Некоторые переулки превратились в настоящие реки.

И вот в один такой денёк мы нашли большущую лужу. Мы так обрадовались, будто нашли клад. Конечно мы сразу бросились узнать, какая в ней глубина. Я был в резиновых сапогах. Только я отошёл чуть-чуть от берега, как сапоги у меня кончились, и вода уже была почти по коленки. Конечно, если бы у меня были сапоги до живота, как у дяди Рената, я зашёл бы ещё глубже.

— Вовка! Утонешь ведь! Вылезай! — крикнул мне Толик. И я послушался его, чтобы не утонуть совсем.



— Ведь это настоящее море! — радовался Борька.
— Это наше море. Собственное. Мы его открыли, — сказал Вадик.

Всё наше море топорщилось от волн.

— А волны-то! Смотрите, какие! — крикнул я.

Мы сделали из бумаги корабли. Они уплывали далеко-далеко, в другой конец моря. Нам приходилось долго бежать вокруг него, чтобы встретить свои корабли. Но потом они стали все намокать и намокать. А потом — тонуть.

Когда Борька успел — не знаю. Только вдруг он кричит:

— Ребята! — И мы увидели у него в руках большой корабль деда Гриши. Паруса не нём шевелились от ветра, и медные пушечки блестели на солнце.

— Разрешил? — спросил Борьку Вадик.

— Его дома не было.

— Не было?! Ну и влетит тебе, Борька!

— Мы скажем, что мы все виноваты, — сказал я, — пусть нам всем влетает.

— Точно! — сказал Толик.

— Надо только осторожно, — Борька посмотрел на корабль, — чтобы его не потопить.

— А потом мы его высушим, и всё будет в порядке, — сказал Вадик.

— Ура! — крикнул Толька.

Мы поставили корабль на воду и тоже закричали:

— Ура-а!

Он стоял и чуть-чуть шевелился от волн, будто он пока узнавал, откуда ветер дует и куда надо плыть. Паруса его всё надувались и надувались. И вдруг он стронулся с места, покачнулся немножко — и рванулся вперёд. Теперь он, наверно, знал, куда ему плыть. И когда он помчался, мы услышали, как вода шипит у него за кормой. Вот уже далеко впереди белеют его паруса и щёлкает на ветру маленький флаг. И если бы вдруг выстрелила хоть одна медная пушечка, мы бы подумали, что на корабле живут капитан и матросы.

... Деда Гришу мы заметили, когда он кашлянул. Мы увидели его и прямо не знали, куда нам теперь разбежаться. Мы здорово трусили. Тут Борька понял, что ему не отvertеться, и подошёл.

— Деда, это я взял... Деда, не сердись...

Деда Гриша молчал. Он только сопел своей трубкой.
— Если ты сердишься, деда, — сказал Борька, — пойдём домой и ты меня отлупишь.

— И меня тоже... отлупите, — сказал я. — Я тоже виноват.

— И меня тоже.

Все вдруг захотели, чтобы их отлупили.

И тут деда Гриша вытащил трубку изо рта.

— Всех вас лупцевать — рука устанет. Ну, а всыпать одному Борьке — вам завидно станет. Так или не так?

— Так, — ответили мы хором.

— А ну-ка, дайте мне его. — Деда Гриша показал пальцем на корабль.

Он долго вертел его в руках, заглядывал с боков, сверху и снизу. Потом присел и осторожно поставил на воду. Корабль постоял немного — и помчался, как в первый раз.

— Деда! — крикнул Борька. — Смотри, как у него паруса надулись!

— Деда Гриша, он нагибается от быстроты! — крикнул Толька.

— Не нагибается. Это ты нагибаешься! А корабль НАКРЕНЯЕТСЯ. От слова КРЕН, — сказал деда Гриша.

Мне вдруг так понравилось слово НАКРЕНЯЕТСЯ! А от слова «нагибается» стало противно.

И вот мы все, вместе с дедой Гришей, стоим и смотрим на его корабль. Как он мчится и как развевается на корме маленький старинный флаг.

— Да, да, ребята... Парусам нужен ветер, — совсем тихо сказал деда Гриша и сощурился от дыма из матросской трубки.



С О Д Е Р Ж А Н И Е

Трамвай идёт в парк	3
Придётся Петьку победить	10
Мы с Борькой лечим будильник	14
В Сосновку по серьёзному делу	20
Тайна и ещё тайна	27
Василий Семёнович	30
Если быстро спать	34
У дедушки Матвея и бабушки Дарьи	37
«Юный пожарник»	48
Там, где трещат мотоциклы	52
Исследование	59
Коржик и Пчёлка	62
«Морской бой»	69
Чудо на варежке	73
«И будем любоваться нашим Ленинградом...»	78
Тихие игры	83
Парусам нужен ветер	88

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О В О З Р А С Т А

Гиневский Александр Михайлович
ПАРУСАМ НУЖЕН ВЕТЕР

Ответственный редактор
И. Г. О д о е в ц е в а.

Художественный редактор
Б. Г. С м и р н о в ,

Технический редактор
З. П. К о р е н ю к.

Корректоры
К. Д. Н е м к о в с к а я и
Л. Л. Б у б н о в а .

ИБ 1424

Сдано в набор 19/II 1977 г. Подписано к печати 21/VI 1977 г. Формат 70X100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 5,95. Тираж 100 000 экз. Заказ № 339. Цена 45 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кузцова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы о содержании и художественном оформлении книги присылайте по адресу: Ленинград, набережная Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

Укажите свой точный адрес и возраст.

Гиневский А. М.

Г32 Парусам нужен ветер. Рассказы. Рис. М. Бычкова. Л., «Дет. лит.», 1977.

94 с. с ил.

Первая книга ленинградского автора рассказывает о радости общения взрослых и детей, о влиянии родителей и старшего поколения на формирование характера ребёнка.